

КАВКАЗ

(LE CAUCASE)

**ОРГАН НЕЗАВИСИМОЙ
НАЦИОНАЛЬНОЙ МЫСЛИ****L'adresse de l'administration : 10, rue de Plelo, Paris (15^e)**

№ 1/25

ЯНВАРЬ, 1936.

№ 1/25

СОДЕРЖАНИЕ:**Гайдар Баммат** — Безсилле Женевы. Перемена министерства во Франции.**Доминик Милль** — Пакт Балканской Антанты.**З. Авалишвили** — Еще о «Сумерках богов» на Ближнем Востоке.**Генерал Муса-паша Кундухов** — Воспоминания.**Вахтанг Карелели** — 18 лет без императора.**В. Оленин** — Враги независимости.**Генерал З. Одишелидзе** — Роль грузинских меньшевиков в войне 1921 г.**Мухаджир** — По свежим следам большевистского разгрома.**Девзавэ** — Независимый Кавказ.**Обзор Печати.****Хроника.****Библиография.****ОТ РЕДАЦИИ.**

26 января.

**БЕЗСИЛИЕ
ЖЕНЕВЫ**

Еще месяц тому назад с январьской сессией Совета Лиги Наций у многих связывались тревожные ожидания.

Непримиримая, казалось, позиция Англии, подчеркнутая назначением на пост министра иностранных дел Антони Идена, и поставленный в порядок дня вопрос об эмбарго на нефть, как будто оправдывали эти опасения.

Заключившаяся сессия оказалась однако

одной из самых серых и безцветных в анналах международного женевского учреждения. Некоторое оживление внесло лишь обсуждение вопроса о Данциге. Верховный Комиссар Лиги в Данциге, г. Лестер, горько жаловался на многочисленные случаи нарушения, гарантированной Лигой Наций, конституции вольного города местными национал-социалистическими властями. Докладчиком выступил г. Иден. Он, конечно, сурово осудил политику данцигского септата, потребовал восстановления поправных прав данцигских граждан и вообще произнес

«твердую» речь в женеvском духе. Однако, г. Иден не забыл, что он не только докладчик по данцигскому вопросу в Совете Лиги Наций, но и стате-секретарь Великобритании по иностранным делам. Последний, очевидно, не находит, что момент выбран особенно удачно для того, чтобы раздражать Берлин и единственное конкретное предложение Верховного Комиссара о посылке в Данциг анкетной комиссии Лиги, было обойдено полным молчанием...

Едва ли найдутся наивные люди, способные поверить, что новые рекомендации Совета о соблюдении данцигскими властями конституционных гарантий постигнет другая участь, чем та, которую постигли рекомендации уже преподанные данцигскому сенату тем же Советом в сентябре.

Как в Данциге, так и в Берлине отлично понимают, что в настоящей обстановке у Женеvы нет ни желания, ни возможности поддерживать свои рекомендации реальной силой.

Польша, которая могла бы быть в этом углу Европы, жандармом Лиги Наций — эта роль кажется совсем не улыбается...

Для всякого объективного наблюдателя совершенно ясно, что прения в Совете по этому вопросу только лишней раз подчеркнули внутреннюю слабость Лиги и престижа ее отнюдь не увеличили.

Данцигский вопрос однако был вопросом чисто эпизодическим. Им воспользовались как диверсией, для того, чтобы отвлечь общественное мнение от события действительно весьма существенного значения. Энергичный тон и ортодоксально женеvская поза представителей Франции и Англии в данцигском вопросе были призваны приккрыть полный крах усилий добиться разрешения итало-абиссинского конфликта в рамках Лиги Наций на основе пресловутой «коллективной безопасности».

Больше чем симптоматично, что жгучий

вопрос об эмбарго на нефть месяц тому назад чуть не зажегший европейский пожар еле был затронут и поспешно сдан в комиссию. Едва ли ктонибудь сомневается, что комиссия эта станет весьма прочным архивом для этого злощастного вопроса.

Ошибочными, надо полагать, будут и расчеты некоторых санкционистов, окрыленных заменой г. Лавалья на посту французского министра иностранных дел симпатичным Лондону г. Фланденом, на усилении еуже принятых в отношении Италии санкций — гораздо правдоподобнее, что с течением времени эти санкции проявят тенденцию к автоматическому отмиранию...

Во всяком случае теперь уже можно считать доказанным, что опыт разрешения сложного европейского или внеевропейского конфликта, в котором затронуты интересы великих держав, в рамках нынедействующего конвената, оказался, как и следовало ожидать, неудачным.

Если на этот счет у когонибудь еще могли оставаться сомнения, то переговоры Англии с Средиземноморскими державами, с Францией в особенности, и острая реакция на эти разговоры в Берлине, — окончательно раскрыли всем глаза на реальное положение вещей.

Все запрошенные Англией державы, как известно, в один голос ответили, что они готовы оказать ей помощь в случае нападения на нее Италии, «в пределах пакта», но, как справедливо замечает «Же сюж парту», «концентрация английского флота в Средиземном море была чисто английской инициативой, не подготовленной и не поддержанной женеvским организмом. Ни Белград, ни Анкара, ни Мадрид, ни Париж, не выходя из рамок пакта (а с точки зрения Италии — не нарушая его) не имеют права предоставить английским судам ни своих портов, ни своих арсеналов, ни своих стоков горючего. Не имеют они также нива-

кого права заниматься и выработкой заранее плана совместной кампании. Если бы у итальянцев был такой дурной характер, как у немцев, замечает парижский еженедельник, она имела бы все основания заявить, что даже те разговоры между английским и французским генеральным штабами, о которых говорил в декабре в палате депутатов Лаваль, неприемлемы с точки зрения «пакта».

Впрочем если делегату Италии барону Леоизи не пришлось в Женева развить эту точку зрения, так как г. Иден предусмотрительно предпочел отказаться от объяснений по вопросу о взаимопомощи в Средиземном море перед Комитетом 18-ти, то итальянская печать не преминула поставить все необходимые точки на і.

Судьбами Англии руководят слишком трезвые люди, чтобы не понимать, что за формальной ссылкой держав на «пакт» нет достаточных гарантий, отвечающих минимальным требованиям британского адмиралтейства. С другой стороны положение в Европе и на Дальнем Востоке осложняется с каждым днем.

Неудивительно, поэтому, что Иден, казалось бы и строем мыслей своих и темпераментом предназначенный для того, чтобы возглавить женевское наступление, — вынужден прикрывать весьма слабо замаскированное отступление Лиги по всей линии.

Итало-эфиопский конфликт, по крайней мере в настоящей его стадии, определенно вышел из рамок Лиги Наций, куда ее во что бы то ни стало хотели втиснуть, и вошел в новую международную фазу.

Полное бессилие Лиги диктовать свою волю великим нациям и обезлечить новый правопорядок, покоящийся на новой международной морали, окончательно доказано.

Война в Эфиопии превращается в обыкновенную колониальную войну. Но эта война затрагивает существенные интересы Англии и Франции (Джибути контролирует путь на Мадагаскар и Индо-Китай). Державы эти и вне Лиги Наций располагают могущественными ресурсами, способными очень и очень осложнить если не окончательно уничтожить все попытки Италии утвердиться на Абиссинском плато.

Италию несомненно ждут впереди еще очень серьезные затруднения и несомненная дипломатическая победа, которую она одержала в женевском плане, несколько не обезпечивает ей осуществления весьма трудной задачи, в Восточной Африке.

Дальнейшим ходом событий Италия вероятно будет вынуждена основательно пересмотреть принципы, на которых до сих пор покоилась ее европейская политика. Нет ничего удивительного в том, что взоры Рима все больше и больше обращаются к Берлину.

ПЕРЕМЕНА МИНИСТЕРСТВА ВО ФРАНЦИИ

Во французской печати оживленно обсуждается вопрос почему пало правительство г. Лавалья. На этот вопрос блестящий редактор «Же сюи парти», П. Гаксот, дает следующий ответ:

«Г. Лаваль пал потому, что не пожелал финансировать комбинаций французских про-

мышленников, жаждущих советских заказов.

Г. Лаваль пал потому, что спекулянты, играющие на понижение франка хотят вернуть свои деньги.

Г. Лаваль пал потому, что не пожелал мобилизовать Францию против Италии в угоду Англии и г. Пертиваксу.

Г. Лаваль пал потому, что не пожелал ве-

ети против Германии политику провокации и войны, которую требовал Сталин».

Один из наиболее авторитетных политических публицистов Франции, недавно избранный академик, Жак Бэнвиль, также подчеркивает, что г. Лаваль не питал никакой слабости к франко-советскому пакту. В этом факте он усматривает причину бешеной ненависти, которую питали к нему в некоторых политических кругах. С уходом Лавала отпадает главное препятствие к ратификации пакта. — И все те, кто, справа или слева, связали свою судьбу с возобновлением самого злостного из всех возможных для Франции союзов, опять поднимают голову.

«Конечно, замечает г. Бэнвиль, в этих кругах не желают допустить, чтобы впредь смешивали московское правительство с 3-им интернационалом. Для того, чтобы союз стал приемлемым необходимо, чтобы московская власть казалась властью нормальной, приличной, корректной, властью не вмешивающейся в чужие дела — хотя падение Лавала и явилось следствием ее приказа...»

Приход к власти правительства с таким сильным креном на «народный фронт», конечно, неизбежно поведет к новому, временному (и даже кратковременному), верим мы, сближению с Советами и возможно, что так долго тормозившаяся ратификация франко-советского пакта произойдет. Уверенности в этом, однако, быть не может. Новый министр иностранных дел, г. Фландэн, только что дал заверение своей партии, что он продолжает оставаться решительным противником «народного фронта» и менять политики своего предшественника не собирается. С другой стороны в Париже не могут не учитывать, что ратификация франко-советского пакта была бы отличным предложением для занятия Германией демилитаризованной зоны на Рейне...

Но если бы даже ратификация и имела место, не будем делать из этого слишком песимистических выводов. В свое время мы дали здесь анализ пакта и приложенного к нему весьма важного протокола, могущего в любую минуту фактически этот пакт аннулировать. История знает случаи когда военные союзы, освященные большой давностью, не только не получали реальной силы, но оборачивались против одного из союзников... Все зависит от реальных интересов сторон и той обстановки, которая сложится к тому моменту, когда потребуются сделать из пакта соответствующие выводы.

На этих столбцах нам не раз приходилось возвращаться к теме франко-русского союза. Мы напоминали как на протяжении двух веков Франция трижды была в союзе с Россией и как три раза Россия сй изменила. Мы неустанно подчеркивали и не перестанем писать и в дальнейшем, что союз с Советской Россией, находящейся в открытом конфликте с двумя величайшими военными державами мира — Германией и Японией — опасным образом увеличивает потенциал войны в Европе и грозит худшими катастрофами Франции, что расчеты некоторых французских политиков, добросовестно заблуждающихся относительно военной мощи красной армии и организованности русской военной промышленности, глубоко ошибочны, что они упускают из виду страшную опасность, грозящую красной армии в ее собственном тылу.

Опасность эта не только в безконечной растянутости коммуникационных линий армии и в трудности и дезорганизованности путей сообщения. Это очевидно и для не специалиста. Грозная опасность, прежде всего и больше всего, в той священной ненависти, которую вместе с миллионами чистокровных русских людей, питают в Сов. России 48 процентов (по совет-

ской статистике) нерусского населения противостественной красной империи.

Закрывающие союз с СССР государства должны твердо помнить, что во всяком грядущем военном столкновении Москвы с любой иностранной державой все поработанные Великороссией национальности окажутся не на стороне угнетающей их власти, а на стороне тех, кто, нанося удары Москвы, разбивает их оковы и несет им освобождение и независимость.

Национальные вопросы являются ахиллесовой пятой СССР.

Эту истину на страницах «Кавказа» нам приходилось высказывать не раз. Но есть истины, которые сознательные и безсознательные враги Франции всеми силами стараются исказить и затемнить. Истина о подлинных умонастроениях национальностей в СССР принадлежит к их числу.

Гайдар Баммат.

Пакт балканской антанты

С 1931 года в «рвизионистских» странах распускались вздорные слухи об образовании греко - турецко - болгарского блока, якобы руководимого Италией или даже Советской Россией. Слухи эти окрестили в феврале 1933 года в связи с подписанием организационного пакта Малой Антанты. Между тем, в это время министры иностранных дел Румынии, Турции и Югославии находились в отличных отношениях и были солидарны в своих действиях. Все трое несколько не скрывали своей тревоги и воли к самозащите, вызванной амбициозными планами Муссолини, нашедшими свое очередное выражение в знаменитом плане создания блока четырех великих держав. Франция готова была пойти на пакт, но исключительно с целью ослабления его эффекта. Мустафа Кемаль был уверен в этом: «Франция ведет тонкую игру, — говорил он своим коллегам, — она хочет уничтожить пакт». Положение однако создалось тревожное. Вре-

мя шуток прошло и шесть балканских правительств решили не допустить обсуждения балканскими конференциями вопросов политического характера. Это означало произнести смертный приговор этому незадачливому детищу Женевы.

Болгария отказала в своем гостеприимстве 4-ой сессии конференции. Пришлось вместо Софии выбрать Салоники. Четвертая конференция собралась там 5 ноября 1933 года. Все шесть государств были представлены. Делегаты их были немногочисленны. Их дискуссии носили странный характер. Разстались они приняв две резолюции, привыкшего витать в облаках г. Папанастасу. Первой делегаты поздравляли себя с тем, что в их дискуссиях экономические и культурные факторы доминировали над политическими, во второй они выражали неудовольствие по поводу инертности министров иностранных дел своих стран.

Обе резолюции в одинаковой мере притворчили действительному положению дел.

Уже в течение многих месяцев Тевфики

*) См. «Кавказ» ном. 11/23-12/24.

Руиди бей, г. Титулеско и г. Евтич множили свои встречи и совещания. Предметом их были исключительно политические темы, не имевшие ни малейшего отношения к экономическим проблемам. Больше того, короли Болгарии, Югославии и Румынии и Мустафа Кемаль сочли необходимым лично вмешаться в дело. Греция была в курсе всех деталей переговоров.

После пятилетних усилий, направленных к тому, чтобы заменить живые реальности туманными и живыми фикциями, Балканские конференции доказали как иллюзорны были все надежды, связанные с ними. Единственным их результатом было создавшееся у болгар убеждение что без их сотрудничества невозможно обойтись. На эти претензии пришлось дать ответ Мустафе Кемалю.

Дипломатия Лиги Наций, практиковавшаяся на публичных собраниях, потерпела полный крах. Четвертой Конференции суждено было таким образом быть последней.

Слово вернулось опять традиционной дипломатии, привыкшей к необходимой осторожности и к соблюдению некоторых внешних форм, несколько не мешающих однако проявлению ни инициативы, ни личных талантов, способных предотвратить заблуждения и довести начатую акцию до позитивных результатов.

Пант.

Балканские государства ощущали необходимость в изыскании совместными усилиями каких то действительных мер для практики их суверенитета завоеванного с таким тяжелым трудом. Знаменитая формула: «Балканы для балканцев», требовала от каждого балканского государства полного отказа от всякой мысли о реванше. Последние международные договоры дали удовлетворение Югославии и Румынии и посмотри на изгнание эллинизма из Малой Азии и Фракии, которым эллины обязаны г.

Венизелосу, Греция также считала себя удовлетворенной. Не было никаких оснований жаловаться на свою судьбу и у Албании. Напротив, Турция и Болгария имели серьезные основания для того, чтобы солидаризироваться с «революционистскими» нациями и сделаться орудием какой нибудь великой державы, заинтересованной в том, чтобы смешать карты.

Но решениями, принятыми 7 августа 1919 года на конгрессе в Эрзеруме и 7 сентября того же года на Сивасском конгрессе, Мустафа Кемаль ясно и точно ограничил территорию Турции, пределами, определенными Мудросским перемирием. «Комитет защиты прав» обязался «всемерно защищать» очерченную таким образом территорию Турции без всякой идеи реванша в отношении территорий, отторгнутых от бывшей Османской Империи».

Живые обещания реформ, столь щедро расточавшиеся во времена султанов и подозрительная близость с Советами, олицетворяющими коварство и двуличие, внушали однако некоторое недоверие в искренность обещаний великого реформатора. Однако, каждый день приносил новые доказательства политической дальновидности, творческих талантов, непреклонной твердости и прямолинейности Мустафы Кемали. Когда атмосфера недоверия окончательно рассеялась, престиж Турции достиг такой высоты, что она стала получать приглашение принять участие в дискуссиях Лиги Наций, членом которой она еще не была. Добросовестность Турции и ее искреннее стремление к сохранению мира перестали быть объектом каких бы то ни было сомнений и подозрений. С 1931 года она сделалась одним из немногих устоев реальной насифистской политики.

Недавняя нескромность Венизелоса, или его окружения, подняла завесу над тем, в какой степени греческие политические деятели были неприятно поражены привелдигиро-

ванным положением, которое сумела создать себе Турция.

Турция не довольствовалась однако простым соблюдением трактатов; она стремилась к объединению балканских государств.

Известно, что Мустафа Кемаль долго вынашивает и обдумывает самостоятельно свои проекты, прежде чем сделать их общим достоянием. Даже со своими ближайшими сотрудниками он делится ими только тогда, когда считает, что настал момент их практической реализации. В 1930 году он сообщил одному из своих ближайших конфиденентов свое решение: «направить ход истории, по путям более достойным человечества и следовательно более соответствующим и интересам балканских народов». Он считал, что место Турции на Балканах не ограничивается тем положением, которое некогда дало ей Османское владычество, являющееся фактором «вчерашнего дня». Ограничить себя этой ролью означало бы, по его мнению, «плохо понимать или вовсе не понимать Историю». Он поставил себе задачей в каждой из балканских столиц войти в близкий контакт с местной элитой и убедить ее в общности интересов балканских государств и в необходимости для них организовать общими усилиями мирную и счастливую жизнь для всех балканских народов.

После этого заявления можно было быть уверенным в срочной реализации хорошо продуманного Союза Балканских Государств.

Фактически примирение между Турцией и Грецией уже произошло в конце 1930 года. Начиная с последнего анатолийского наступления их великого вождя, все турки признали это событие, как факт гарантирующий длительный мир на Востоке. Спустя год, обращаясь к 200 членам Балканских Конференций, Мустафа Кемаль указывал им, что они должны пойти на большие жертвы, чтобы закрепить союз их на-

ций. Идя по этому пути, Турция огласилась на жертвы совершенно исключительного характера. Греция тоже.

Из всех балканских государств наибольшее беспокойство внушала Болгария. Сама по себе она никакой опасности не представляла, но за ее спиной стояла Италия. И против этой именно державы необходимо было принять меры, способные помешать ее разрушительным замыслам. При этом обстановка требовала, чтобы мероприятия носили чистосердечный и откровенный характер. В это время барон Алоизи уже был отозван из Анкары и покинул Турцию, окончательно потеряв все иллюзии насчет возможности успеха политики престижа и устрашения, которая диктовалась ему из Рима. Его преемник только что прибыл в Анкару. Мустафа Кемаль воспользовался даваемым ежегодно 26 октября, в день национального праздника, банкетом, чтобы публично высказать итальянскому послу свое отрицательное отношение к пресловутому «пакту четырех». Он не скрыл своего возмущения по поводу претензии Муссолини установить разницу между правами великих и малых держав и заявил протест против попытки классифицировать Турцию и Советскую Россию как державы второстепенного значения. Не проявил Мустафа Кемаль на этом банкете особой вежливости и к Советам. Обращаясь к советскому послу, сидевшему, в качестве старшины дипломатического корпуса, по правую его сторону, он громко выразил свое неодобрение по поводу поведения Москвы в отношении Польши и Румынии. Угроза СССР Бессарабии безволя его не менее, чем стремление Италии к экспансии на Востоке.

Трудно представить себе сумму усилий, которая была затрачена правительством Анкары, чтобы привести Советы к реальному пониманию международной обстановки. Конечно,

нужнейшее положение России облегчало эту задачу. Москва решила пойти на очень существенные уступки, чтобы избежать всякого акта, способного вызвать мобилизацию, т.е. вооружения населения, которое наверное использовало бы этот случай, чтобы покуситься на существующий режим. Так, сравнительно небольшие державы, Румыния и Турция, вели за собой Советскую Россию. Но роль дипломатов именно в том и заключается, чтобы использовать создавшуюся обстановку и не упустить благоприятный случай. В виду того, что Советы никогда официально не признавали факта передачи Бессарабии Румынии, Тевфик Рушди бей, известный изобретатель примирительных формул, предложил идею Восточного пакта о ненападении. Существенная особенность этого пакта, подписанного на ряду с другими

СССР, Турцией и Румынией 3 июля 1933 г., заключается в том, что в нем дается хорошо задуманная и полная, насколько это возможно, формулировка определения нападающей стороны. Цель пакта была в том, чтобы стеснить маневрирование стороны, у которой могли бы быть опасные замыслы. Само собою разумеется, что ни Турция, ни тем более Румыния, ни минуты не верили в добросовестность и чистоту намерений СССР, но, как это указывалось выше, угроза нависшая над Советами ощущалась Москвой с такой остротой, что едва ли она решилась бы на попрание своей собственной подписи под документом, имеющим целью гарантию мира.

Д. Милль.

(Окончание следует).

Еще о „Сумерках богов“ на Ближнем Востоке

На наших глазах произошел разрыв исторической связи между Турцией и султанатом-халифатом. Некоторые последствия этого чрезвычайного события для кавказских народов были указаны в статье: «Сумерки богов на Ближнем Востоке» (см. «Кавказ» 1935 г. № 21-22). Статья вызвала неодобрение «Куртулуша» (№ 13 - 14). Критик обиделся, как видно, и за богов, и за Ближний Восток, особенно же за Турцию.

Что общего, говорит он, между советским безбожием и Турцией, отделившей церковь от государства и будущей религиозные праздники? Однако, о турецком безбожии в статье вовсе и не упоминалось, да и вообще о вопро-

сах религиозных там говорилось лишь вскользь.

Вот о впечатлении, вызванном в умах многих горцев, упразднением султаната и халифата в Турции, в статье «Сумерки богов», действительно, сделаны были некоторые замечания. К ним многое можно бы было и прибавить. Не имея ничего сказать по существу, критик довольствуется намеком на особое удовольствие, с которым будто бы автор статьи подчеркивает отход кавказцев не-турецкого происхождения от Турции и пр.

Дело, однако, не в удовольствии, а в том, что держава султанов-халифов это было одно, а новая, национальная, но и западническая Турция это нечто другое; и что первая по-

ощряла, а вторая разрушает зависимость умов от арабской мусульманской схоластики. И не об «отходе от Турции» кавказских горцев шла речь, а, напротив, о «силе и убедительности в их глазах наглядного примера турок единоверцев, перестроивших свою жизнь в духе современности» и т. д. При чем тут «отход от Турции» или «радость» по поводу этого отхода, о которой не очень то добросовестно пишет достопочтенный критик?

Притом, по его мнению, в статье допущена «грубая и большая ошибка»: в ней все мусульмане Кавказа выставлены (в прошлом) приверженцами халифата, между тем, Азербайджан всегда был против этого учреждения. «Всегда» ли так было, это вопрос другой, и его можно оставить в стороне, но само собой разумеется, что упрек ли на чем не основан, и в статье очень ясно говорилось о различии исповеданий в исламе.

Впрочем, сами азербайджанцы предпочитали иногда об этом забывать, чему можно привести пример из политической практики новейшего времени. В 1918 г. турки (времена были еще султанские) предъявили в Батуме делегатам Закавказской республики к подписи проект мирного договора. В одной из его статей говорилось, что имя Е. В. Султана будет произноситься в мечетях Закавказья (во время службы). Советником Закавказской делегации была внесена поправка, которую турки, конечно, приняли, да и не могли не принять, а именно: поминается имя Султана лишь как халифа (а не как светского государя). Другое же предложение — о необходимости оговорок в интересах шиитов — было отклонено не кем другим, как делегатом Азербайджана: там чувствовали себя гораздо больше тюрками, чем шиитами. И это было в порядке вещей.

Недоумения и напрасные огорчения вы-

званы даже простейшими замечаниями о положении языков в горской среде: критику показало, что недооценено значение языка турецкого. Приходится вернуться к этому предмету.

Читателям «Кавказа» хорошо известно, что благодаря разноплеменности и разноязычию горцев Кавказа, вопрос о необходимом для их внутреннего общения и внешних сношений, общем языке или языках, представлялся всегда особо острым и сложным. (В меньшей степени с той же трудностью приходится снаться всюду на Кавказе). При отсутствии природного или искусственно созданного общего языка, всеми принятого, пользоваться в этом качестве каким-нибудь подходящим, достаточно доступным и распространенным срудием.

В разных районах и в разных кругах горской среды таким средством междуплеменного и международного общения служили: классический язык Ислама, арабский, постепенно терявший свои позиции; язык турецкий, язык русский, о значении которого нет надобности говорить на страницах органа, где им пользуются кавказцы разных наименований. В более тесных рамках некоторые местные языки получили значение междуплеменных. Известен, например, в этом отношении, в Дагестане, язык аварский.

Очевидно, что такое положение вещей создает не мало затруднений, особенно при организации народного образования. Приведем одну живую иллюстрацию; она одновременно покажет все своеобразие языковых отношений на Кавказе. На ю.-в. Дагестана обитают, в числе около 7.200 душ дидойцы. Там имеется, по данным 1933 г., 24 начальных школы. — Обучение идет на аварском языке, которого дети не знают. Взрослые владеют им настолько, чтобы пользоваться в сношениях с теми,

это этот язык знает, в Дагестане. По традиции и в виду непосредственного соседства с Бахетией, объясняются еще кое как по-грузински (см. Сборник Тифлисск. Универс. в честь Н. Я. Марра, изд. в 1934 г., с. 165-6).

Турецкий язык, или точнее, тюркские языки, на Кавказе имеют свою давнюю, сложную, еще не написанную историю. Этих тюркских, притом литературных, языков — как славянских — имеется, как известно, целый ряд. Число их даже умножилось в текущем столетии. (Например, образовался в Средней Азии, рядом с киргиз-казакским, особый кара-киргизский язык). Или вот более нам близкий случай. По свидетельству хорошо известного турколога Самойловича (см. в Энциклопедии Ислама 1934 г. Франц. изд.) «на С. Кавказе формируется новый литературный язык из разряда тюркских, именно, карачае-балкарский, он, однако, не имеет шансов на большое распространение, рядом с азербайджанским, т. е. турецким азербери, особенно влиятельным в Дагестане, где он даже накануне официального признания и делает серьезную конкуренцию молодому местному литературному языку (той же тюркской семье) кумыкскому, зачавшему развиваться в XIX в. и вытеснявшему арабский». Словом, тюркских языков на С. Кавказе достаточно!

По недоразумению, критику показалось, что статья «Сумерки богов» пророчит восстановление былого господства персидского языка в Азербайджане (!) «Почему? Зачем?» — воспециает он с явным неодобрением. На самом деле речь шла всего лишь о «возможности возрождения литературного интереса к персидскому языку в стране Низами и Хакани». Сердиться, казалось бы, не было оснований. Заметим, кстати, что Низами родился в Иране, в г. Рум, а не в Гяндже, как это полагает почтенный критик; именуется же Ган-

джийским, потому, что там он преимущественно жил и писал.

Несколько лет тому назад, один из новейших историков Азербайджана, русский по происхождению, жаловался на то, как мало знают о поэзии Низами в Баку, в Шемахе, в Гяндже. Кажется, в этом было преувеличение, и в кругу людей грамотных по персидски, но не прошедших русской школы, продолжали ценить Низами и других старых поэтов. Во всяком случае, оживление интереса к ним, наблюдается уже и теперь не только в Азербайджане, но и в Грузии, где имеется ряд специалистов, знающих и персидский язык, и где, таким образом, как бы возобновилась традиция, позволявшая, напр., поэту Нодару Цицишвили в середине XVIII в. писать, в начале своей стихотворной обработки известных персидских преданий о Барам-Гуре, в следующих выражениях о своих предшественниках:

«По персидски поразительную эту историю воспел Низами Ганджийский, мудрец из мудрецов. Ему подражает Хосро Дехлеви, чей язык не умолкает. Кто из них лучше, Хосро или Низами, как нам решить? Ту же повесть воспел на джагатайском языке Неваи, и какого другого стихотворца, ему подобного, можем мы мыслить? Опять же по персидски изложил ее Джами, и каждый читатель находит радость, слушая стихи этих четырех».

Заметим кстати, что Низами, Хакани, знаменитый одописец ширваншахов, и Руставели были современниками, дышали одним воздухом, и что безвременно скончавшийся в конце 1935 г., Ю. Марр, иранист, сын Н. Я. Марра, подготовил к печати сборник, посвященный этим трем поэтам, может быть, уже и вышедший.

Теперь, несколько слов по вопросу о турецком языке Азербайджана. Впрочем, выслу-

шаем специалиста. По авторитетному свидетельству акад. Самойловича, язык этот подвергся сильной османизации в начале XX-го века, что вызвало наличие двух соперничающих течений; в последнее же время течение, опирающееся на живой язык страны, берет верх.

Впрочем, ведь недаром в XIX в. возрождение литературного языка азери произошло как раз в пределах кавказского Азербайджана (достаточно напомнить деятельность Фетали Ахундзаде). Вообще же говоря, самые именитые поэты турецкого мира, писавшие на языке азери, несколько не были связаны с Кавказом. Несими (XIV в.), принадлежит Анатолии. Бурханал-Дин (т. с.) был султаном Сиваса. Самый знаменитый из них Фюзюли (XVI в.) происхождением, может быть, курд (хотя Колпролю Заде М. Фуад считает его и по крови турком) писал кроме азери, также по османски и по персидски. Впрочем, надо признать вполне правильным взгляд на турецкую литературу в ее различных видах, как на одно целое, тесно притом связанное с литературой персидской и арабской — особенно в те времена, когда национального самосознания, как оно понимается в наши дни еще не существовало.

На этом можно бы поставить точку. Однако, когда вчитываешься в рассуждения, подобные тем, что дали повод к настоящей статье, когда видишь, что «азербайджанским» достоянием провозглашаются и почтенные могилы ардебильских шейхов, от которых пошли и персидские Сефевиды, невольно задаешь себе вопрос, не должны ли чувствовать себя как в клетке, или в темнице, так чувствующие азербайджанцы; и не есть ли для них Аракс граница случайная, условная?

Между тем, с точки зрения кавказской, очень важно знать, как будет складываться и

развиваться национальное сознание Кавказского Азербайджана. «Куртулуш», повидимому, мало интересуется собственно кавказским характером страны: у него перед глазами Азербайджан в обширном смысле слова, более того, весь турецкий мир от пределов Китая до Средиземного моря. Поэтому, приводя факты из литературной истории турецких народов, он выходит далеко за пределы Аррана и Ширвана, т. е. кавказских стран, подвергшихся туркизации начиная с сельджукской эпохи и образовавших в наши дни кавказскую республику Азербайджан.

В 1925 г., после одной из лекций нынче покойного академика Бартольда (дело происходило в Баку) этому замечательному ориенталисту был поставлен одним из слушателей вопрос: «под Азербайджаном часто подразумевают персидский А., с главным городом Тебризом. Имеем ли мы право называть себя А., или это есть Ширван?». В своем ответе, Бартольд объяснил, что Ширван с Шемахой составлял лишь часть нынешнего Азербайджана, что, напр., Гянджа никогда в состав Ширвана не входила и т. д. Он добавил: термин Азербайджан избран потому, что когда устанавливалась Азербайджанская республика предполагалось, что персидский и этот Азербайджан образуют одно целое, так как по составу населения они имеют очень большое сходство.

Теперь все это — дело прошлого, хоть и недавнего. Не следует, однако, забывать, что для успеха кавказской идеи, для того, чтобы из чувства и настроения она могла стать зрым действительным планом, необходимо, чтобы окончательно и безвозвратно с Кавказом, и только с Кавказом, связались политические и территориальные устремления всех четырех кавказских наций.

3. Авалишвили.

Мемуары ген. Муса-паши Кундухова

(1837-1865)*)

От Редакции: Предлагаемые вниманию наших читателей мемуары Муса паши Кундухова появятся в печати впервые. Этот документ, представляет исключительную историческую ценность не только потому, что автор, сначала генерал русской службы потом турецкий папа, командовавший отдельной частью на Кавказском фронте во время русско-турецкой войны, — принимал непосредственное участие в описываемых им исторических событиях и соприкасался с рядом выдающихся лиц своего времени, но и потому, что, как читатели сами увидят, он отличался острой наблюдательностью, широким умом и незаурядным литературным талантом.

В следующем номере «Кавказа» мы дадим биографические данные и характеристику личности Муса паши. Мы приносим нашу глубокую благодарность Шефкету, Кундуху, сыну покойного известного государственного деятеля и министра иностранных дел современной Турции Беквир Сами бей, любезно предоставившему редакции мемуары своего деда.

Предисловие

«У кого что болит, тот о том и говорит».

Истина эта побуждает меня, не вдаваясь в излишние подробности, добросовестно изложить то, что я мог из верных источников узнать замечательного о прошлом и что мне самому пришлось видеть и испытать в продолжении двадцати девятилетней моей службы в России.

К глубокому сожалению система, избранная правительством на Кавказе в буквальном смысле основана на праве сильного.

Начальство в отношении народного управления действовало по своему произволу, во-

преки своих законов и туземных обычаев. Очень часто прибегало к таким тяжким и прискорбным мерам, за которые русские законы беспощадно вешают, разстреливают и ссылают в каторжные работы. В политике обман, изворотливость и противоречие до той степени были допущены, что народ перестал верить в бывшим благомыслящим начальникам.

Вместе с тем во имя политических интересов исчезало уважение к веками освященным правам, преимуществам и обычаям горцев. Преследование некоторых народов доходит до невероятия.

Результатом всего этого или яснее сказать не здраво обдуманной системы были: непрерывная двадцати пятилетняя война и наконец, усмирение горцев и переселение целых народов в Турцию.

В настоящее же время к нашему удивлению правительство, вопреки истине и правосудия считает всех кавказских народов (без ис-

*) Само собою разумеется, что мемуары воспроизводятся нами с фотографической точностью, с сохранением оборотов речи и стилистики. Ред.

блечения) приобретенными оружием и к несчастью полагает наилучшим средством держать их в покорности только ужасными последствиями нищеты и страхом оружия, ограждая им путь ко всему тому, что может подержать их национальность. До какой степени это грустно, противно общему благу и что в будущем предвещает об этом поговорим в свое время, а здесь я должен сказать несколько слов о невольном переходе моем в Турцию.

Кому по обстоятельствам пришлось служить под зависимостью людей, которые несмотря на ревностное, добросовестное и безукоризненное выполнение долга службы без малейшего повода и основания, а лишь только по гнусному произволу считали его подзрительным, опасным видам правительства, тому понятно бывшее мое невыносимое положение*). А кто счастьем считает только чины и ордена, тот может быть по своим понятиям, позволит себе сказать, что я не оценив щедрые награды русского правительства, как неблагодарный человек перешел в Турцию. На это, кроме того, что читатели поймут, ниже

*) Усердно исполняя данные мне поручения, удачно командовал отдельными отрядами и добросовестно управлял краями. При всем том все таки в глазах многих русских, я был для них чужим: называли меня фанатиком за то, что говорил и писал в пользу справедливости.

скажу, что я как солдат принадлежал царю, но как человек ни в каком случае не мог не принадлежать народу. И потому должен был переселиться туда, куда лучшая часть его, в числе более ста тысяч дворов, бросая все, кинулась спасаться от жестокого преследования.

Что же касается до наград моих, то я их не выслужил и не получил как милость по протекции: в продолжение всей моей службы никогда не позволял себе подумать ни о трудности, ни об опасности там, где надлежало исполнить долг службы. Все чины и ордена, кроме корнета и генерал-майора и короны на орден св. Анны 2-ой степени, получил за отличие в делах против неприятеля.

Хотя после плена Шамиля я с каждым годом все более чувствовал до крайности униженное положение народа и от этого тягость своей службы, но все еще напрасно уповая на лучшее будущее, т. е. на возможность народного благоустройства с сохранением, сколь возможно, его национальности, заставлял себя усердно продолжать службу и смотреть с хладнокровным презрением на злословия.

Наконец, уже весьма печальным, но очень ясным доводом и фактами убедился в своем заблуждении, равно и в том, что служба моя ни что иное как низкое ремесло: искать счастье в несчастьи ближних.

В справедливости сказанного читатели убедятся ниже истинными фактами.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Приезд императора Николая I-го на Кавказ. — Смена корпусного командира барона Розена и назначение генералов Головина и Граббе. — Экспедиция в Чечню генерала Пулло. — Возстание чеченцев и признание Шамиля имамом.

В 1837 году император Николай, первый из русских царей, ошастливил приездом своим Кавказ*).

На случай надобности в переводчике во время проезда его через Владикавказ, я был из Тифлиса командирован туда же.

От всех мирных горцев были назначены депутаты с народными просьбами и ожидая приезда императора во Владикавказ они часто собирались то у одного, то у другого из влиятельных лиц.

Разсуждали между собой о прошедшем, о настоящем и о будущем: одни из них понимали и говорили, что им необходимо иметь грамоты и акты на право владения личными и поземельными правами, утверждая и доказывая, что иначе предстоит им жалкая будущность. Другие же менее благоразумные, но более самонадеянные, думали и говорили, что не имеют надобности просить грамоты и акты на право владения тем, что им дано Богом.

Чем больше собирались и разсуждали, тем более они расходились во мнениях своих о самых ясных и им необходимых вещах. И потому просьбы их также были написаны различного содержания, не имея ничего общего.

Наконец 13 октября было получено известие, что государь император едет. Весь сбор этот выехал на встречу Его Величества. Пройсавши 25 верст, в местечке Ларсе они встретили государя и сопровождали его до Владикавказа.

Его величество приказал мне скакать возле своей коляски и очень часто спрашивал имена тех, которые по красоте и мужеством более на себя обращали его внимание.

На другой день государь принимал депутатов с народными просьбами, говорил с ними очень благосклонно, исключая из этого злополучных чеченцев, которых ушрекал в неверности ему и его русским законам.

Чеченцы в свою очередь ответили: Вашему императорскому величеству мы преданы не менее других горцев и уважаем законы царя нашего также не менее других, но к несчастью нашему, ближайшее начальство наше, затемрая истину и не соблюдая никаких законов и обычаев, управляет нами совершенно по своему произволу, отзываясь о нас с дурной стороны.

Вместе с тем они подали ему прошение, где подробно обнаружили всю несправедливость ближайшего их начальства.

Резкий, но очень справедливый ответ чеченцев не понравился государю и назвав его клеветою, приказал им выкинуть из головы вредные мысли, внушаемые им неблагонамеренными людьми.

Чеченцы, видя перед собою царя грозного Николая и ожидая от него получить щедрые награды и милостивые царские распоряжения о благоустройстве края, обещали свято исполнять его волю.

Николай же, ослепленный своим могуществом, думал и поступал совсем иначе: он, на словах обласкав горских депутатов, обещал рассмотреть их просьбы в Петербурге, где они

*) Степень справедливости этого формального выражения читатель поймет ниже. М. К.

были брошены без всякого исполнения и ответа.

Здесь рождается вопрос: зачем же Николай приехал на Кавказ?

Вот ответ: ясно, что Николай как деспот домогался совершенно истребить дух свободы кавказских народов и приготовить их к безусловному рабскому повиновению.

Стремясь к этой цели, он выбрал для себя орудием только один страх и желая сильно внушить его народу, не пожелал пользоваться случаями дарить свои милости, а напротив того, искал найти случай показать пример своей жестокости над теми, кто в точности не исполнял волю царя.

На этом основании он в гор. Тифлисе, во время бывшего там разбоя, в среде войск и множества народа, показал его над вполне заслуживавшим за лихоимство командиром Эриванского полка флигель-адъютантом полковником князем Даднаном и бывшим тифлисским полицеймейстером. С. Даднана царь собственноручно сорвал эполеты и аксельбанты и тотчас же посадив его там на почтовой тройке с одним жандармским офицером, отправил его в Россию. Даднан был зять корпусного командира генерал-адъютанта барона Розена, а полицеймейстер был зять начальника штаба генерала Вольховского, которых тоже скоро сменили.

До неудачного приезда императора Николая на Кавказ у народов его о царе были разные мнения: большая часть из них полагала, что начальство в отношении народного управления употребляет во зло царское к нему доверие; говорили, что царь любит правосудие, любит одинаково всех своих подданных, желал им всех благ, но будучи далеко, не ведал зло, происходящее мимо его воли и поэтому, узнав о приезде царя, радость их была чрезвычайна; ожидали от него много и очень много хороших перемен к будущему благоден-

ствию Кавказа. Но, к несчастью, Николай, сверх ожидания народа, показал себя эгоистом, желающим только рабского повиновения его воле, не заботясь о выгоде туземцев.

Вследствие этого очень скоро по отъезде его с Кавказа народ почувствовал свое будущее и начало обнаруживаться между мирными горцами Кавказской линии не желание жить под русской властью. При этом Николай, разставаясь с командующим войсками Кавказской области генералом Вельяминовым, строго приказал ему иметь чеченцев под особенным строгим надзором и под сильным страхом. Приказанием этим негодяй генерал Пулло, как ниже сказано, усердно руководствовался.

По моему будет очень справедливо назвать главной причиной бывшей 25-летней жестокой борьбы, т. е. возстание всего восточного Кавказа и неограниченной власти там и в Чечне Шамиля, невнимание Николая к справедливым просьбам всех мирных горцев, которым он на место страха внушил сознание униженности их положения и сильную к себе вражду.

Царь вместо того, чтобы хоть скольконибудь оправдать ожидания от него народа и строго приказать начальству беречь благосостояние страны, приказал держать наименее между горцами терпеливых чеченцев под сильным страхом!!!

Не менее горцев сам ошибся в своих ожиданиях, ему в голову не приходила возможность бывшей кровавой войны.

Хотя просьбы депутатов остались без исполнения и ответа, но ни в каком случае не могли остаться без последствий. Царь конечно потерял любовь и уважение, возбудил к себе ненависть и недоверие всех горцев, особенно у жителей восточного Кавказа, где духовенство, стоя во главе народа, после приезда Николая, потеряв всякую надежду на луч-

шее будущее, начало готовить народ искать Шарпата и справедливости силою оружия.

Древнейшее кавказское начальство хотя и знало о намерении духовенства, но под влиянием русского «авось», не приступало ни к каким правильным мерам к водворению прочь-его спокойствия в крае.

При этом бывшего корпусного командира барона Розена сменили и на его место назначили генерала Головина, человека умного и распорядительного, но непостижимо было, что командующий войсками на Кавказской линии генерал Граббе, назначенный на место Вельяминова, непосредственно ему подчиненный, не хотел исполнять его приказаний и действовал как отдельно уполномоченный начальник. Иногда даже в ущерб интересам края и службы, если только он этим мог вредить распоряжениям генерала Головина. Вследствие этого дела об управлении гордами путались до крайности, в особенности в Чечне, где начальник края и командующий там войсками ген.-майор Пулло, отыскивая случай к достижению чинов, наград и материальных выгод, безпрестанно доносил генералу Граббе о тревожном состоянии вверенного ему края и, основываясь на приказании царя, выпросил себе разрешение действовать на чеченцев страхом.

В таких видах в 1838 году зимою начал ходить с отрядами по аулам мирных чеченцев, под предлогом ловить там непокорных тавлинцев, будто бы в аулах их скрывавшихся. На ночлегах солдат и казаков разставляли по домам чеченцев и отыскивая небывалого тавлинца забирали все, что понравится солдату и казаку. На жалобы хозяев, на слезы женщин и детей Пулло смотрел с зверским равнодушием и, гордясь своими позорными делами, называл жалобы чеченцев клеветой (как называл Николай).

Наконец, в следующем, 1839 году, зимою

он опять повторил свой грабительский поход и сверх того, под предлогом обезоружить чеченцев, потребовал с каждого десяти дворов по одному ценному ружью и получивши их, он продавал в свою пользу, покупая на место их дешевое (для счета в Арсенал).

При этом Пулло низкой грязной хитростью, желая скрыть гнусные меры свои арестовал нескольких почетных чеченцев, собиравшихся с жалобой на него отправиться в Тифлис.

Здесь чеченцы, потеряв всякое человеческое терпение, более сносить невыносимые тяжкие меры, согласились подчиниться людям, давно желавшим войны с русскими и поклялись с открытием ранней весны отложиться и воевать против тирана до последней капли крови.

В это время я, получив отпуск, находился в доме отца моего и живя в соседстве с чеченцами, знал от знакомых его все, что происходило в Чечне.

Состоя при корпусном командире и не сомневаясь в возмании чеченцев и ожидая от него гибельных последствий, я считал долгом, в первых числах декабря, отправиться в Тифлис и доложить генералу Головину о положении Чечни и о продажах там ген. Пулло, присовокупив, что по мнению знающих людей, если ген. Пулло вскорости не будет смещен и заступивший его место энергично не примет меры к водворению спокойствия в Чечне, то весною они все возстанут.

Не знаю, как ген. Головин принял или принял мой доклад, но знаю, что генерал Пулло не был смещен и в следующем 1840 году в марте месяце чеченцы, в числе 28.000 дворов, разом возстали, безусловно подчинив себя Шамилю, который в то время, после Ахульгинского поражения скрывался от русских в Шатоевском обществе.

Не теряя времени они под предводительством опытных и предприимчивых людей-наибов: Ахверди Магомета Шуаиба и других, быстро начали делать движение к соседним племенам и в продолжении одного лета весь восточный Кавказ, кроме ханств Шамхальского, Аварского, Казикумухского и Акуша, возстал против русских, с чувством жестокой вражды.

Хотя и все племена центра Кавказа: кумыки, осетины и кабардинцы сильно сочувствовали этому Возстанию, но господствовавшее над ними высшее сословие, так же как

сказанные ханы, по тщеславию своему, считали за стыд подчиниться Шамилю, незнатному по происхождению. Кроме того, по легковерию своему все еще утешали себя щедрыми обещаниями начальства. (Горький им урок).

Таким образом, началась на Кавказе кровавая борьба, продолжавшаяся в течение 25 лет, т. е. до плена Шамиля русскими в 1859 году, 26 августа.

(Продолжение следует)

Муса Кундухов.

18 лет без императора

(Продолжение*)

Чья имея такой истории, из которой можно бы было исходить, «русские» патриоты должны ее коверкать. Русская история для них это лишь способ для проведения их идей, не только не вытекающих из фактов, но даже им противоречащих. Предо мною «Лекции заочного преподавания» издательства «Борьбы за Культуру», неизвестный автор (лекции не подписаны) поучает молодое поколение эмиграции:

«...русский славянин не покорял и не подавлял народности встреченные им на своем пути, а незаметно поглощал, растворял их в себе или мирно уживался с ними бок-о-бок». Серия 1, Лекция 1, стр. 6.

Кто это «русский славянин»? — Если это новгородские славяне, то судьба их достаточно известна и конечно они не покоряли и не подавляли, а сами были уничтожены или переселены теми, кого стали позже называть «великороссами» и кто сейчас себя величают «импероруссами».

«Исторический подвиг России и ее величие не в захватах и завоеваниях, а в установлении дружного сожителства с многочисленными народностями живущими на ее территории». Там же, стр. 14.

А разгром Новгорода и Пскова с принудительным переселением в Московию десятков тысяч семейств? — а покорение Казани? — а присоединение Украины, Крыма; уничтожение Запорожской сечи? — а аннексия Грузии? — а столетнее завоевание Кавказа и выселение сотнями тысяч черкесов, абхазцев, чеченцев? — а мюридизм, газават, зикр?

(Мусульманская секта, образованная на Кавказе в 1861 г. возвратившимся из Мекки чеченцем Кунтою, начавшим проповедывать в Чечне, что: нельзя молиться на земле оксверненной присутствием русских. Движение с этим догматом поддерживалось начальником Владикавказского округа ген. м. Мусою Кундуховым (родом осетин) и вызвало крупные беспорядки. Высылка же Кунты, брата его Мансура и еще пяти старшин, привела к поголовному воз-

*) См. «Кавказ» ном. 12/24.

станции Чечни. По подавлении этого возмущения Тумановым и ген. м. Лорис-Меликовым, пять тысяч семейств, во главе с Мусою Кундуховым, выселились в Турцию. Муса-Кундухов вступил в турецкие войска и принимал участие в войне 1877-1878 гг. против русских. В. К.)

«...особенностью русской колонизации, отличающей ее от многих других, было то, что русский народ не покорял встречные народности, а растворял их в себе, перенимая от них наиболее стойкие их свойства». Там же.

Может быть «русский народ» тут и не при чем, может быть, для того чтобы иметь право говорить это теперь и были специально набраны разные иностранцы: Тежелли, Фези, Фрейтаги, Блюки-фон-Блюкенау, Граббе, Врангели и др., но, ведь, дело то не меняется и истории роста Российской Империи не переделывать. Употреблялись ли в начале Иоанном III-м войска ханов Золотой Орды, пользовались ли Императоры России наемными войсками, а не «Иванами в белых рубахах», под командой иностранцев — захват чужих земель, насилие, зверства, кровопролития, клятвopеступничества, подкуны и вероломства были, и, конечно, скорее прав Солоневич говоря: «Имеем же мы, в конце концов, право знать за что мы расплачиваемся голодом, разстрелами и изгнанием. И обязаны же мы устроиться в будущем как то так, чтобы снова не влезать в долги и снова не расплачиваться», чем, неизвестный автор приведенной выше лжи, вводящей в заблуждение свое же молодое поколение, которое неизбежно в будущем должно будет расплачиваться за преступные ошибки своих отцов. Прокляты будут в свое время и те, кто распространяет в своих циркулярах заведомо ложные мысли:

«...Р.О.В.С., конечно, не может даже допустить мысли о приемлемости расчле-

нения России... Если бы в России не господствовал коммунистический интернационал, разговоры об опасности расчленения казались бы бредом... В самом деле, если «сепаратизм» некоторых национальных элементов является сейчас опасностью для России, — то это именно плоды политики советской власти».

Никогда, чужие области, присоединенные силою оружия не оставались окончательно за завоевавшим их народом; рано или поздно, и именно потому, что они чужие, населены другим народом, они отпадали и обретали самостоятельность или воссоединялись с теми политическими организациями, от которых были насильно отторгнуты. Все насильем вовлеченные в Российскую Империю народности с момента развала Империи естественно откололись; так при разрушении здания откалываются отдельные кирпичи и камни. Трудно, одержимому манией величия, доказывать его ничтожество или уроду мнящему себя красавцем, что он урод — больной и без того уверен в своей правоте, а потому никакие логические доводы не могут его разубедить. Но... инородцы вовсе не хотят делить и расчленять Российской Империи, вот уже 18 лет как она сама развалилась. Инородцы хотят ныне, после всего того, что случилось, просто отделиться и жить самостоятельно. «Русские» должны излечиться от своего бредового психоза и отказаться от имперской психологии, а не продолжать жить и действовать так, точно ничего со времени отречения Императора Николая 2-го от престола, не изменилось и не воспитывать детей своих на лжи и обмане, уча их относиться к истине, так как относится к ней Максим Горький: «К чорту истину, если она разрушает сладкую мечту». Рано или поздно правда все равно всплывет наружу и несчастные дети окажутся в таком же поло-

женин, как и отцы их «белогвардейцы» при эвакуациях Новороссийской, Крымской и др., а вместо того, чтобы «водружать русские национальные флаги на каждом отвоеванном клочке земли бывшей Российской Империи» как их наставляет Деникин в своей «маниакальной экзальтации», вторично переживут момент, «когда стыдно будет считать себя русским» и начнут вновь «искать, каждый, у себя в памяти — нет ли у него какой нибудь связи в прошлом с Литвою, Латвией, Эстонией, Белороссией, Украиной, Грузией, Арменией и т. д.».

Однако, не все «русские» слепы или больны, есть и среди них трезвые умы. Так Г. П. Федотов видит ясно и никого не обвиняет, что:

«Главным препятствием на пути к возрождению национальной культуры будут многочисленны сепаратизмы... Но... «удачное решение национальной проблемы со стороны моральной»... предполагает в «оживлении и одновременно осложнении национального чувства, которое для великоросса должно стать триединым — великоросским, русским и российским. Повелительно необходимо оживление, воскрешение Великоросси», — говорит он.

(Цитирую по Н. С. Тимашеву «О будущей России» — Возрождение 29 февраля 1934 г.). Допустив даже осуществимость предлагаемого Г. П. Федотовым метода решения национальной проблемы в России, как долго должны ждать все не имеющие чести и счастья быть великороссами, тройного перевоплощения тех, по чьей вине в сущности они попали под власть большевиков? Или почему инородцы должны ждать этого чуда, которое, быть может, никогда и не случится, и не сметь даже хлопотать и думать о своей собственной судьбе?

Чего нельзя оспаривать у молодого поколения «русской» эмиграции, это их, заимствованного, очевидно, у фашистов и гитлеровцев, пафоса и способности театрально демонстрировать чувство любви к Родине. Можно действительно восхищаться и их энергичной пропагандой, повидимому, предназначенной для тех, чье сердце еще свободно. Но, о какой Родине идет речь? — Ведь на территории «с полярным пейзажем на одном конце и Ватумом на другом, с умирительными уголками московского района, с простором южных степей, с Уралом, Волгой, Крымом, Байкалом...» и т. д. очень много чужих родин — боюсь, что это: о «предмете не живом, а лишь потенциально существующем в чьем то воображении»). Если же, дело идет о «союзной», «соборной» или «советской» империи, то мы знаем, что Аристид Бриан и с ним ряд, ему подобных, мечтателей, пытались уже, в форме «Соединенных Штатов Европы, создать нечто подобное, но чем больше они работали в этом направлении, тем больше укреплялась и определялась любовь каждого европейца к своей определенной родине. Мы недавно видели, как 90% саарцев предпочли «рабскую жизнь в гитлеровском аду» жизни в чужом «свободном раю» лишь бы

*) «Есть на теле российской интеллигенции язвы, незаживающие много десятилетий. И одна из самых страшных язв — патриотизм без отечества, без той конкретной живой России, которая существует независимо от того, нравится ли ей правительство гг. патриотам или нет. Такой патриотизм без отечества имеет всегда дело с предметом, не живым, а лишь потенциально существующим в чьем то воображении». — Е. Кускова — «О патриотах без России». «Послед. Новости» 13 марта 1932.

слиться со своею любимую Родиной. Так, немец любит свою Германию, итальянец свою Италию, поляк — Польшу, украинец — Украину, кавказец — Кавказ.

Любовь вообще — высокое чувство. Любовь к Родине, это — великое, способное на чудеса, Богом освященное чувство. Понятно, что в наиболее молодой, чистой и светлой части эмиграции появилось желание зажечь и свои сердца этим священным огнем. Понятно также, что нашлись и вожди, (большой частью не русского происхождения), которым лавры Муссолини и Гитлера не дают покоя. Но, чем больше мы знакомимся с молодым «русским»

движением, тем все больше убеждаемся, что любовь их беспредметна, и, что, распинаясь в любви к неопределенной, несуществующей, пока еще в реальности родине они не считаются с наличием этого высокоого чувства у тех, кто Родину эту в действительности имеют. Или они думают, за неимением своего собственного предмета страсти, устроить нечто в роде гарема? — Но должны же они понимать, что «золотою казной» и никакими чужими «кинжалами» они никого уже больше не соблазнят. Времена «Хаз-Булата» прошли... времена гаремов тоже.

Вахтанг Карелели.

(Окончание следует)

Враги независимости

(Из серии «Кавказ и Россия»*)

Их немного — но они есть.

Мы имеем в виду не внешних врагов независимого от России Кавказа, каковых, конечно, не мало, а врагов внутренних — тех представителей кавказских народностей, которые ориентируются на Россию, считая эту связь, и даже зависимость, лучшей формой своего национального будущего.

В историческом прошлом, по мере проникновения на Кавказ российского культурно-европейского влияния, такие настроения были довольно обычными, особенно в высших кругах, покровительствуемых русской властью. Россия обольщала целым рядом новых возможностей, технической и бытовой европеизации, о чем нам уже приходилось говорить на страницах вашего журнала.

Кавказцы всех национальностей — сначала грузины и армяне, а постепенно, по мере замирения, также и мусульмане — сотрудничали с новой властью, поддерживали ее престиж, военную и гражданскую мощь. Но, так сказать, «сердечный альянс» продолжался недолго, — его не хватило даже на одно столетие. Об этом мы тоже говорили.

От процесса известной денационализации кавказцы стали все резче отходить к обратному течению — нарастанию национального самосознания. Великая война, закончившаяся для России великой революцией, поставила перед кавказскими народами проблему независимого политического бытия во всем ее объеме.

Хотели или не хотели те люди, которые по тем или другим причинам оказались на ролях политических вождей на Кавказе, отделиться на всегда от России, — события скла-

*) См. «Кавказ» № 12-24.

дыбались так, что временно, по крайней мере, отделиться приходилось: в Петербурге и в Москве расположился третий интернационал, на юге — добровольческая армия.

Опыт самостоятельного существования кавказских республик был, как известно, краток и несчастлив. Причин тому много, и не о них сейчас речь. В частности — отсутствие общекавказской солидарности, политическое разномыслие, разброд ориентаций были основной предпосылкой рокового исхода.

Теперь уже многое понятно. Необходимость твердо между собою столкнуться кавказским народам, т. е. в первую очередь их политическим деятелям, сознается почти всеми. Российские события в течение этих лет еще незаконченного революционного процесса в России, также заставили с гораздо большей вдумчивостью отнестись и к прошлому, и к настоящему, и к будущему: связь с Россией, да легко не всех обольщавшая и раньше, становится сейчас не в моготу тягостной, глубоко волнует и пугает за будущее. Кавказ хочет жить полной, нормальной жизнью здорового организма, как живут другие отделившиеся окраины бывшей российской империи. Не говоря уже об естественных требованиях окрепшего и осознавшего себя национального чувства, все яснее понимается каждым, что на общих путях с Россией до этой нормальной жизни доберешься не скоро.

Идея кавказского сепаратизма развилась вглубь и в ширь, захватывая людей, еще недавно к ней равнодушных. Она приобретает новую почву с каждым месяцем, с каждым днем, крепнет и здесь, в эмиграции, и там — на поработанной родине. Да и мировые события опять складываются так, что заново возможны роковые сдвиги, которые захватят и Кавказ — страну исторических землетрясений.

И тем не менее существуют и по сей день

удивительно нечувствительные к атмосферным переменам люди, которые мыслят и говорят «по старинке».

Есть среди них совсем простодушные: была, мол, более или менее сносная жизнь, с дешевым хлебом, с изобилием овощей и фруктов, — никакими самоопределениями мы не занимались сидел в городе Санкт-Петербурге российский царь, к его администрации, к его полиции мы более или менее приспособились, даже кое кто из нас сам шел к нему на службу, получали чины, ордена, жалованье, а главное — могли жить у себя дома без особых тревог и беспокойств, многие даже совсем хорошо, в довольстве и сытости. Чорт бы побрал эту революцию и все последующие события, с их самоопределением, всех этих политиканов и болтунов, — дело ясно: вернуть старый, налаженный порядок, прежде всего царя, — оправится Россия, понемногу оправимся и мы. Эти господа, если не формально, то по своим чувствам, примыкают к правоверным российским монархистам, среди которых многие рассуждают приблизительно также, по той же несложной схеме. Но кавказцев такого ветхозаветного склада можно, думается, перечислить по пальцам.

Многочисленней и вреднее другая разновидность. Их тоже, в общем, очень немного, но они деятельней и главное — могут облечь свою мысль более литературно и витиевато, пытаются ее обосновать с некоторой политической грамотностью. В орде малознакомой с вопросом они могут произвести известное впечатление: вот видите — не все кавказцы заражены сепаратизмом, — будущая Россия имеет там и серьезных сторонников.

Очень ошибутся в своих расчетах кандидаты в возсоздатели будущей России, если на основании заявлений этих людей станут судить о кавказских настроениях. Но русским поли-

тическим деятелям ошибаться вообще не впервые, и речь сейчас не о них.

Браги независимости Кавказа, о которых мы говорим, — это несправимые интеллигенты общероссийского образца, в русской школе и на русской службе утратившие всякую яркость своего национального облика, а порою даже всякую духовную связь с родной средой, всякое национальное чутье, уже более не воспринимаящее ароматов родной почвы. В прошлом они могли быть царскими чиновниками или офицерами, врачами, адвокатами, журналистами и даже политическими деятелями самого левое толка — всех их роднит одно общее свойство: российская интеллигентская денационализация.

Нам уже приходилось говорить на страницах нашего журнала, что даже и русский по крови интеллигент, кочуя в течение своей жизненной карьеры по всем необъятным просторам империи, терял это необходимое почвенное чувство, — везде был чужой и везде хотел считать себя своим. Среди других факторов эта психология кочевника сыграла также свою роль в русском революционном анархизме.

Но положение денационализированных кавказцев оказалось уже совсем нелепым. Русский человек мог все таки «отыгрываться» на имперской идее, носителем которой он повсюду являлся. Это была его идеология, стимул деятельности. Кавказцу же насаждать российский империализм на Украине или в Польше было уже куда стеснительней, в особенности последнее время, начиная с эпохи императора Александра III-го, когда и в политику и в жизнь все более внедрялся лозунг: «Россия для русских», впоследствии открыто провозглашенный всеми правыми партиями Гос. Думы, на которые опиралось правительство. Да и умирать за «верху, царя и отечество» среди равнин и

сопок Манчжурии как то тоже показалось не совсем естественным. Разумеется долг свой кавказцы выполняли, но имперский энтузиазм стал заметно «сдавать», на Кавказе даже в военной среде. Русско-японская война в этом отношении многое прояснила.

На все эти сомнения и очень естественные неувязки чаще всего ответ давался такой — теми, конечно, кто продолжал поддерживать Россию: царское правительство делает глупость за глупостью, притесняет инородцев, ввязывается в ненужные войны, не дает населению достаточных прав, — вот придет Россия другая, настоящая, либеральная, парламентская, левых партий, — тогда...

Россия эта пришла к власти — в последовательных комбинациях от Львова-Гучкова-Миллюкова к Керенскому-Чернову и к Ленину-Троцкому, — но скольжение к отульному большевизму было таким быстрым, что уже перед всеми, еще не потерявшими здравого разсудка, встала задача не о сотрудничестве с центральной властью, а о возможной от нее обороне. Задача отделения встала не только в Прибалтике, на Кавказе, в Туркестане, не говоря уже о ранее отколовшихся Польше и Финляндии, но также на Украине, и на Кубани, и на Дону, и даже в Сибири — всюду, где только могла спешно организовать местная власть, опиравшаяся на кой какие не окончательно разрушенные имперской психологией устои местного обособленного быта и самосознания.

Но до чего неподготовленными застала эта трагическая эпоха большинство общественных деятелей на Кавказе, прочно усвоивших российские интеллигентские навыки и заблуждения. А ведь какая могла быть величественная эпоха! Но об этом много уже говорилось в нашем журнале — дело прошлое.

Печально то, что и сейчас еще находятся

люди, кавказцы, готовые открыто выступать врагами независимости Кавказа, — «сепаратизма» и «сепаратистов», как они подчеркнута выражаются, как бы указывая тем на нормальность зависимости от России.

Их очень теперь немного, но они все же есть, — своими неуместными выступлениями они только обманывают тех русских, кто, не зная Кавказа, готов довериться их политической оценке.

Но не детальный спор с ними является предметом настоящей статьи. Их легковесные свидетельства, отражающие лишь случайные симпатии личной судьбы, опровергаются всей совокупностью данных — фактов и мнений — постоянно, из месяца в месяц, приводившихся на страницах «Кавказа».

История кавказского края начинается не с появления там России и кто не видит или не хочет видеть культурного первородства кавказских народов по сравнению с народом русским (это говорится не в укор — такова историческая давность), с тем вообще на эту тему разговаривать трудно. Такой человек может полжизни провести в Персии и ничего в ней не увидеть, кроме грязи и плохих дорог, тогда как зоркому Артуру де Гобино, о котором вспомнил недавно в нашем журнале проф. З. Авалишвили, достаточно двух недель, чтобы глубоко почувствовать все очарование древнего Ирана.

Лев Толстой — писатель из русских самый русский, но со своей большой и правдивой художественной зоркостью он и в «Казаках», и в «Хаджи-Мурате» резко противопоставляет непристойным безчинствам и казаков, и русских солдат, сдержанную, полную достоинства осанку горцев, их привычку себя держать по стародавним заветам строгой и требовательной религии. На вечернем приеме у князя Воронцова Толстой намеренно выводит рядом с безтакт-

ным и грубым русским генералом совсем необразованного грузинского князя, поражающего врожденной тактичностью: что ему дворец наместника, — от длинного ряда предков он унаследовал умение быть обходительным и простым в каких угодно дворцах.

Но, конечно, те люди, для которых национальным идеалом остается звание русского интеллигента, всего этого не ценят и не понимают. Русская школа, русская книга, русский театр, сослуживцы, товарищи, русские женщины, — какой может быть сепаратизм?

О вкусах не спорят, — можно любить и русский борщ, и окрошку, и даже запретного для мусульман, поросенка с кашей, но соскальзывая в эту обывательщину, приводят для большей серьезности еще и такой довод: Россия нас научила политической грамоте, содействовала развитию нашего собственного политического самосознания.

Разумеется, учась по русской книге, все знания, даже таблицу умножения, получаешь из русского источника. Но это не причина, чтобы пожертвовать развившимся самосознанием в пользу единой России.

Московская коммунистическая власть в особенности содействует пробуждению на местах национальной жизни, — разве следует отсюда, что эту власть надо навсегда принять?

Немецкая научная мысль чрезвычайно расширилась кругозор и хорватов, и чехов — разве это помешало их стремлению к полной независимости? Наоборот — только его усилило. А Египет? А Индия? В английских колледжах осваивали и возрождали тамошние вожди свое культурно-национальное самосознание, крепнущее для борьбы с той же Англией. А сколько чего почерпнула в Европе Япония? Лишь получив тем самым еще новые силы для своей властной национальной гордыни.

Но все это только так, мимоходом. Сущность вопроса в другом.

История в большинстве случаев складывается независимо от наших желаний и симпатий. Грузинские меньшевики и дашнаки Армении вовсе не стремились к отделению от России, но наступил момент, когда пришлось на это пойти, потому что Россия была в полной анархии и сама разваливалась по частям.

Такой момент очень легко может наступить опять и даже наступить скоро. Недаром у кремлевских заправил уже и сейчас «трясутся поджилки» при виде грозных знамений: «восходящего солнца» — на востоке и на западе — «черной свастики».

Пришлось идти в Лигу Наций, молить о союзах буржуазные правительства Европы, у себя дома заговорить о родне, о семье — лишь бы как нибудь постараться себя уберечь от нависающей угрозы военного разгрома. Якобы великая держава, но без свободных морей, всюду запертая и угрожаемая (о чем нам уже приходилось говорить), — этот территориальный урод, именуемый СССР — и до нынешнего то дня она додержалась в неприкосновенности лишь благодаря неизжитой еще после войны неприязни и взаимной враждебности главных руководящих держав. Но их соглашения между собой возможно, да и помимо него — политическая обстановка меняется. Перед Кавказом — хотят или не хотят его общественные деятели — может внезапно стать целиком в своей насущной необходимости проблема самостоятельного государственного бытия.

Придется как нибудь устраиваться самим.

Да и на какую собственно Россию ориентируются эти любители русского «поросенка с кашей» и прочего запретного свинства?

Если даже предположить, вопреки очевидности, что Россия останется единой, что она выйдет из неминуемых войн в полной сохрани-

мости, а не развалится «по всем швам», — какая это может быть Россия? Самой страшной и жуткой военной диктатуры, такого господства уже не красной, а «черной сотни», что может быть по сравнению с ней даже нынешняя диктатура Сталина и Кагановичей покажется эпохой сравнительно мирной и мягкой. Вот уж когда будут «давать в зубы» даже без всякой марксистской фразеологии, которая требуется теперь!

Пусть наши кавказские руссофилы из осетин не обольщают себя старыми бреднями о какой то либеральной России профессоров и адвокатов и широких демократических свобод. Как не может быть возврата к петербургской России графов Витте и Горемыкиных за исчезновением самой этой бюрократической разновидности, так и воображаемая Россия либеральной общественности целиком почти ограничивается сейчас редакцией «Последних Новостей», представляемая маститым уже Павлом Милоковым в своем обычном антураже. Да и к слову сказать — такие революционные потрясения, какие только что пережила Россия, не ведут влед за тем к так называемым демократическим свободам. Хороши были бы эти свободы с нынешним поколением комсомола» и «безпризорных».

Вообще одно из двух: или сильная, страшная, военно-мужицкая Россия, Россия погромов и непристойной ругани, которая окончательно придавит и раздавит Кавказ, — тогда и разговаривать нечего — о симпатиях и вкусах не спросят, — или, что гораздо вероятнее — анархия и развал, как это уже было в итоге войны с Германией, — и тогда надо теперь же готовиться и готовиться спешно — к осуществлению своей собственной политической независимости, которая внезапно может сказаться вопросом и даже необходимостью се-

годняшнего дня помимо всякого сочувствия или несочувствия отдельных кавказцев.

Кавказские народы связаны в прошлом большой азиатской культурой, и это в них чувствуется, и это их всех между собою роднит,

отделяя от России со всей ее неразберихой и безтолковщиной. Смутная эпоха еще долго будет продолжаться, пока Россия целиком представлена самой себе.

В. Ленин.

Роль грузинских меньшевиков в войне 1921 года

В предыдущем докладе *) я установил ту наибольшую цифру войск, которую мы могли бы выставить во время войны по закону Учред. Собрания. Я их вам напомним: 36 батальонов пехоты, 48 орудий**) и 3 эскадрона кавалерии. Эти цифры поражают вдумчивого грузина и своей абсолютной величиной и своим относительным значением. Абсолютная величина их указывает на то, что люди, их принявшие, не знали истории нашего народа и не задумывались никогда над историческими судьбами нашей родины; мало того они не вполне ясно себе представляли политическое положение нашей страны в текущий период истории.

В самом деле, что было с нами в прошлом? Все 3.000 лет нашего государственного бытия, мы были в узле интересов наших крупных соседей; из тысячелетия в тысячелетие, из столетия в столетие около нас и у нас соприкасались великие народы: мы помним Александра Македонского, мы знали его персов, византийцев, арабов, монголов, турок и русских. Все прошедшие тридцать веков нашей жизни были сплошной борьбой за наше существова-

*) См. «Кавказ» №№ 6/18; 7-8/19-20; 9-10/21-22.

**) Я не считаю еще 48 несуществовавших орудий, несуществовавших второочередных батарей.

ние, непрерывной заботой о том, чтобы маленькое зернышко нашей государственности не было размолото в мелкий порошок этими трущмися около нас колоссальными жерновами. Половина нашей родины и нашего народа погибла в этой непрерывной и неравной борьбе, — той части нашей родины и нашего народа, которая дала нам нашу государственность и родила Шота Руставели и его бессмертные творения, уже не существует; но другая часть уцелела и ныне страстно хватается за жизнь. Чему она обязана своим спасением? Одному единственному: уменью в тяжелую минуту наперечь все свои моральные и физические силы и стать во время лицом к опасности; в прошлом мы были счастливы тогда, когда все мужское население, способное носить оружие, готово было стать в ряды и бороться с врагом. Тогда только появлялись у нас Давиды-Возрожденцы и Тамары... и, оплетая чудесными легендами их имена, боготворя их, мы не замечаем, что мы создаем легенду около самих себя, боготворим свой маленький народ за то, что он умел во время наперечь максимум своих сил и принести для родины максимум жертв. Что же, политическая обстановка с тех пор кругом изменилась? Могут нам сказать наши политики, делавшие в Учред. Собрании нашу судьбу, что времена могучих соседей и ужасных нашествий уже прошли? Нет, никто из

них этого сказать не может. Мы все еще по старому находимся между молотом и наковальней. Снова интересы великих и малых соседей наших встречаются около нас и у нас, и слова они переплетаются с нашими кровными интересами, с нашим стремлением быть свободным и самостоятельным народом. Великий русский народ, переодеваясь на наших глазах то в черные, то в белые, то в красные одежды инстинктивно и стихийно идет гигантскими шагами на юг, к теплым морям взоры его уже не первое столетие обращены к Константинопольским проливам, к портам Индийского океана и к самой Индии (а в недавнее время и к Александриете на Средиземном море). Но из этих мест глядит на север другой народ — великан, нынешний властитель мира, всю свою силу черпающий на морях вообще и в частности в Индии и в Индийском океане, он внимательно смотрит, на Кавказский хребет, его возможную прочную защиту от северного великана, жадно глядящего на источник его силы и его богатств. Глухая борьба между этими двумя великими народами идет уже давно, как я выяснил в записке № 4, недавно подавшей мною политической комиссии — уже не раз пахло войной... Но смертельная схватка между ними еще впереди, независимо от того, будет ли Россия Николаевская или Ленинская, а Англия — Англией лордов или Англией рабских, которые кажется уже накануне взятия на себя власти. И каждая страна понимает, что одолеет тот, кто раньше утвердится на Кавказе и в Туркестане, на этих естественных наступательных базах России, если она твердо сидит на них раньше, и естественных буферах Англии, если она прочно утвердится в этих странах до России. Эти исторические перспективы — разве это Америки, как те открытые сегодня? И разве непонятно, что это пахнет для нас не вечным нейтралитетом (который

наша правящая партия столь торжественно объявила было в момент формирования нашей армии), но вечной борьбой, как было и до нас 3.000 лет подряд? И разве не ясно, что еще раньше, чем встретится у нас в той или иной форме русский медведь и британский лев, нас ждет турецкое окружение и может быть даже турецкое удушение? Разве мы можем считать, в исторической перспективе, Азарбейджан, родственник и соседний с Турцией, нашим другом, а не врагом? Та же Армения, «братская» страна, по выражению наших меньшевиков, разве она показала много дружбы и не раз вероломно из за угла не нападала на нас? Наконец, Персия, разве она забыла, что грузинский царь не так уж давно считался одним из четырех Вали персидской державы? И разве однажды, во время нашего возрождения, она не вспомнила об этом, она, едва влачащая свое существование?... Словом, кто из соседей не зарится на красавицу Грузию? И если это так, если верно, что мы и теперь окружены врагами, как все три тысячелетия нашей прошлой истории, то что значит провозглашение нашего вечного нейтралитета и принятие на этом основании цифры 36 батальонов, 48 орудий и 3 эскадрона, как максимума нашей армии? С моей точки зрения это означает политическое недомыслие, совершенное непонимание политической обстановки, нас окружающей, в особенности ее постоянной неизменной части — нашего вечного одиночества, вечного окружения вечными врагами, борющимися и с нами и между собою. Двухмиллионный народ, находящийся в такой обстановке, как мы, должен быть всегда готов выставить под ружье в решительный момент своей жизни не менее 10% своего населения, т. е. не 36.000, а 200.000 человек и к этому должна быть приспособлена вся его военная организация, если он хочет жить. С другой стороны цифра 48 ору-

дий и 3 эскадрона, как максимум наших специальных родов оружия, означают простое военное невежество и военную безграмотность. Если Ираклий II, современник Фридриха Великого и времен Очакова и Крыма в буквальном смысле этих слов, имел 2 орудия на 1.000 пехотинцев, то как же это в наше время танков и броневых автомобилей иметь один 1 1/3 орудия на 1.000 человек? И когда весь Азарбайджан может сесть верхом на своих лошадях и через 24 часа быть около Тифлиса, тогда грамотно определять максимум нашей кавалерии в 300 коней? Нет, наши политики нашей Военной Комиссии Учр. Собрания, организовавшие нашу армию, не понимали нашей политической обстановки, не знали нашей прошлой истории, не видели текущей перед их глазами мировой истории и не предвидели нашу роль в ней: они не видели даже на какие пути свернул во время великой войны социализм, эта новая могучая религия обездоленных масс, имеющая по своему существу великое будущее, этой сущности они не видели, они видели только буквы и догмы той части этой религии, которая называется их партийной программой и жизнь втискали в рамки этих догм. Соответственно этому сектантскому пониманию догм своей партийной программы, этому незнанию нашей истории и наших исторических судеб и непониманию незыблемой части нашего общего политического положения, и границами нашими были объявлены не те естественные линии, которые наши предки держали в руках тысячелетиями по соображениям государственной необходимости и государственной безопасности, а те, которые вытекают из догм их партийной программы. Казах-Шампидильский край и Бамбакский и Безобдальский хребты вместе со всей южной частью Борчалинского уезда, были оставлены в руках наших соседей, хотя в момент присоединения к

России и тысячелетия подряд перед этим эти площади, имеющие громадное военное значение, были провинциями Грузии. В результате Тифлис, с его громадным материальным и моральным значением, очутился в одном переходе от границ двух соседей, под их непосредственными ударами. Кассарское ущелье, со всей Двалетией, несколько тысячелетий, до самого присоединения нашего к России, бывший в наших руках, ибо наши предки понимали его громадное военное значение, было оставлено вне наших границ. Когда я выяснил его значение, оно не было своевременно занято, что было вполне возможно в момент крушения армии Деникина, когда большевики были очень далеко*) В результате Кутаис оказался под ударами северного врага, сосредоточившегося в верховьях р. Ардона (в Двалетии). Все это есть тоже подготовка страны к войне. И все это было исключительно в руках соц.-дем. партии и ее вождей. Обо всем этом с военными даже не говорили. А если иногда с ними советовались, то для того, чтобы советов их не исполнять, — так было, например, с вопросом о границах, о количестве необходимой нам пропорции артиллерии, кавалерии и технических войск, о двойственной организации и двойственном подчинении наших вооруженных сил и проч.

Одишелидзе.

(Продолжение следует)

*) Об этом своевременно подал обстоятельную официальную записку с картой и Пр-ву и Штабу Народн. Гвардии, у которого Пр-во было в плену. Кроме того, я делал столь же официальный доклад в тесном кругу. Присутствовали: Н. Жордания, председ. Учр. Собр., министр Гегечкори, тов. предс. Учр. Собр. Такайшвили. Этот доклад я повторил в присутствии представителей Антанты.

По свежим следам большевицкого разгрома

Ш*).

Рано утром, шеф чекистов, гарцуя на белом коне, собрав народ на деревенской площади, прочел «указ» закавказского и азербайджанского ГПУ о высылке «вредных элементов» из пределов Азербайджанской республики. «Вредные элементы» находились в каждом округе, в каждом сельсовете, в каждой деревне. Список высылаемых из нашего села тут же был опубликован; в их числе были: Молла М. и его брат, их жены и четверо малолетних детей; затем шла очередь семьи уже расстрелянного Султан-юзбаша — жена, дочь Сурия и трое малолетних детей.

При оглашении каждого имени, невольные вздохи вырывались из груди как самих жертв, так и их родных. Чекист читал список ровным голосом, с трудом удерживая свою лошадь, которая, как будто протестуя против людской несправедливости, все время горячилась, нервно топала ногами, желая поскорее вырваться из этого жалкого людского сборища.

Огласив список полностью, чекист подзывал председателя сельсовета и сказал ему:

— Подлежащие высылке должны сегодня же вечером сделать свои приготовления, так как завтра утром они должны двинуться в путь.

Сказав это, повернул коня и поскакал в лагерь, оставив толпу с ее вздохами, плачем и причитаниями. Особенно убивались женщины.

Смушение и отчаяние выражалось на лице председателя сельсовета. Слова утешения застревали у него в гортани. Подозвав знаками

одного из списка высылаемых, красивого молодого человека, которого считали женихом Сурия, он сказал ему:

— Мурад, я никогда не забуду добро, которое твоя семья оказывала всем в деревне, мне стыдно, но что делать? Ты знаешь, что нами командуют чужеземцы-захватчики. Я вчера сделал все возможное, дабы спасти вас от ссылки, главным образом женщин. Угостил гура пивом, напоил, дал даже 1.000 рублей, но он остался неумолимым — боится начальства, говорит он отвечает головой за послабление...

Толпа не расходилась, комментируя приказ и сетуя на судьбу. Проклятия сыпались по адресу «сары урусов» («желтых русских»), но еще больше по адресу национальных «политиков», которые обрекли народ на такое несчастье, дабы спасти свою жалкую шкуру...

Вдруг, один молодой крестьянин, в порыве отчаяния, выхватив 10-зарядный маузер, обратился к старикам:

— Прошу вас не осудить меня: я решил выпустить все эти 10 пуль в этого злого гура. Я знаю, что меня разстреляют, это меня не беспокоит, но одно прошу у вас: не поминайте меня лихом, как вы это делаете, когда репрессия касается и других.

Но жест молодого человека встретил единоегласное осуждение.

— Здесь не арена для демонстрации храбрости, — слышалось вокруг. — Видишь, к чему привело ваше сопротивление?

А один старик, убеленный сединами, выразился так:

*) См. «Кавказ» ном. 6/18 и 7-8/19-20.

— Пойми, молодой человек, что когда хочешь уничтожить дерево, надо уничтожить его корень, а не срезать ветки.

Но тот не унимался:

— Все это я понимаю; но поймите и вы, что я не могу больше выносить всего этого несчастья, обрушившегося на наш народ; пусть раз навсегда уничтожат все, сожгут до тла наши дома, как уже выжгли не мало... Сколько отцов осталось без сыновей, сколько детей осиротело, сколько матерей осталось в ожидании своих сыновей, высланных в далекие ледяные края! Для чего нам еще жить, переносить все это!

И несчастный заплакал в порыве отчаяния...

С раннего утра были слышны голоса милиционеров, созывающих ссыльных.

— Скорей, скорей, подвода уже готова!

Несчастные, стар и млад, покидали наскоро дома, встречаемые наружу жалобными причитаниями соседей.

Одно одеяло, пуд муки и немного хлеба на каждого ссыльного — все, что позволялось им брать с собой, после чего дома ссыльных запечатывались.

Опять появляется чекист на белом коне; вытирает усы, объезжает он каждую подводу, считает нагайкой «души» и, приказывает, с самодовольным видом:

— В путь!

Подводы движутся, окруженные конвоем. Ссылные прощаются с остающимися:

— Саламат! — слышится кругом, но тон неуверенный.

С ближайшей подводы раздается жалобный полу-напев, полу-декламация такого содержания:

«Я был птицей в зеленых листьях,

Вдруг меня ранила охотничья рука.

Не успел я полюбить свою возлюбленную
на высоких горах,

Как туман и сны обволокли меня...

Слезы душат толпу.

Долго еще смотрели мы вслед уезжающим... Наконец, ближайший холм скрывает их от нас.

Наступает пустота в селении, щемящая душу каждого.

Истанбул.

Мухаджир.

(Продолжение следует).

Независимый Кавказ

Народы Кавказа задыхаются в отравленной атмосфере русской оккупации и террора, переживают невероятное горе, и невероятные бедствия, сопряженные с муками физического страдания и моральной подавленности.

Ярмо, накиннутое на Кавказ в результате разорительной и несправедливой войны, лишило нас независимости, тысячелетней родной культуры,

не оставив и тени свободы, к которой мы — кавказцы — привыкли, как к воздуху, солнцу. Наша прекрасная родина очутилась под пятой безжалостного врага. Наши соотечественники, оставшиеся на родине, лухнут от голода и нищеты, ссылаются без всякой вины в далекие тундры, а эмиграция — старая и новая — насильственно выброшенная

из веками насиженных мест, скитается по разным странам, лишена права общения даже путем простой корреспонденции с родными, оставшимися на родине.

Попраны наши права, поруганы наше национальное самолюбие и честь. Преступление России, помешавшей свободному развитию кавказской культуры, путем разгрома этой благородной и ценной части человеческого рода, никогда не может быть прощено.

Особенно тяжело вспомнить войну Сов. России с Кавказскими демократическими республиками, законченную так недавно на глазах культурного мира их насильственным подчинением Москве.

Россия рано или поздно должна ответить за этот вопиющий акт. Мы не забудем никогда кровь, пролитую нашими братьями за независимость Кавказа. Мы будем добиваться нашей родины и ее независимости, взывая к небу справедливости и ища помощи у культурного человечества.

Название нашей родины «Кавказ», принадлежащее адыгейскому языку, само определяет наше поведение, первым качеством которого должна быть решительность.

Колыбель старой культуры и арена славных героев мифической древности, Кавказ, получил свое название на языке его населяющих аборигенов и безусловно должен принадлежать им. Как изобретенье принадлежит тому, чье имя оно носит, точно также Кавказ должен принадлежать кавказцам, вложившим в эту страну с упорным трудом многовековую материальную культуру.

На протяжении тысячелетий Кавказ много раз подвергался разгрому и нашествию варваров, подобных большевикам, но насильники в конце концов изгонялись объединенными усилиями всех кавказцев. Эта старая традиция обязывает и сегодня кавказцев к совме-

стной борьбе против московских насильников, вторгшихся и занявших нашу родину без всякого на то права.

Изумительно, что после того, как большевики оккупировали Кавказ, Туркестан, Крым и другие страны, теперь сделались самыми яркими защитниками мира всего мира, крича везде и всюду о том, что де «не позволим никому перекраивать карту мира». Прежде чем выступать с подобной проповедью общего мира эти палачи и захватчики должны оглянуться на свое прошлое и исправить его, если у них еще существует хоть капля совести.

Владычество русских на Кавказе, не только для этой страны, но и для всего человеческого общества вредно, и в то же время несомненно аморально. Колониальная оккупация, вообще говоря, может иметь место только в отношении народов неспособных к культуре и стоящих на первобытной ступени морали и то не на веки веков, а до времени, пока опекаемый не созреет.

Оккупация Кавказа Россией не может быть основана на такой разнице культур, ибо говорить о культурном превосходстве русского мужика, пока что не приходится. Для подтверждения сказанной мысли не надо углубляться в дебри истории, говорящей целиком в пользу Кавказа. Ограничимся лишь замечанием, что кавказцы с искони времен имели свой общественный строй, государственное устройство, организованную духовную жизнь, традиции, национальное одеяние и неодолимое влечение к культуре и прогрессу.

Общественное воспитание юношества, составляющее в современном обществе одну из главнейших задач государства, несмотря на неблагоприятные условия истории, на протяжении веков приняло на Кавказе форму обязательного закона. Этот неписанный закон, и по

сие время в семье, в обществе, в собраниях, на поле брани, всюду руководит поведением каждого кавказца от мала до велика.

Кавказцам, как всякой культурной нации, доступны высшие формы проявления человеческого гения. А любовь к родине, много раз доказанная на поле битвы, и многочисленная интеллигенция, географическая и экономическая целостность страны, с гордостью заставляют сказать, что Кавказ достиг своей политической зрелости и имеет все основания к

независимому Государственному существованию.

Но чтобы заставить считаться с этими условиями и политической зрелостью Кавказа, внешний мир и прежде всего наших врагов все кавказцы должны соединиться в одно целое и дружно стать на путь, ведущий к освобождению родины, путь завещанный нам нашими славными предками.

Девизав.

Обзор печати

«АЙРЕНИК» О ЖУРНАЛЕ «КАВКАЗ» И СВОИХ КАВКАЗСКИХ СОСЕДЯХ

Предлагаемая вниманию наших читателей статья появилась в армянской газете «Айреник», издающейся в Бостоне (Америка) и служит как бы ответом на статью Ш. Амиедждиби, напечатанную в одном из прошлых номеров нашего журнала. Напомним, кстати, что статья Ш. Амиедждиби была написана не в адрес одной газеты «Айреник», но на основании целой сводки статей из армянской прессы, появившейся в грузинском журнале «Дамоукидебели Сакартвело». Пройдем мимо ничем не подтвержденного обвинения «Кавказа», в «вопиющем и сознательном искажении истины». Читатели наши отлично знают нашу совершенно лояльную и благожелательную позицию в армянском вопросе.

Обращаем внимание читателей на заглавие статьи «Айреника»: «Наши неисправимые соседи». Очень характерно, что «Айреник» спо-

рит не столько с автором статьи и нашим журналом, но со всеми своими кавказскими соседями. Впрочем пусть читатель сам увидит это.

Парижский орган грузин, азербайджанцев, и горцев, «Кавказ», не доволен передовой «Айреник», в которой мы, по случаю опалы «премьера» сов. Армении Тер-Габриелян, писали: «не секрет, наконец, что грузинские и азербайджанские большевики не особенно благосклонными были к имеющему «националистические уклоны» Тер-Габриеляну».

Упомянутая наша передовая дает повод «Кавказу» приписывать нам небывалые, при чем в этом направлении парижский ежемесячник позволяет себе вопиющее искажение фактов.

О чем же пишет «Кавказ»?

По «Кавказу» вообще не существуют хорошие или плохие большевики, ибо все они одинаково плохи. В этом отношении исключение составляют грузины-

большевики, когда то великодушно уступившие Армении часть грузинской исторической территории.

Плохи же лишь армяне - большевики, в качестве чекистов угнетающие население Грузии и т. д.

Где же истина, явно и сознательно искаженная «Кавказом»?

Истина та, что среди закавказских сов. республик Армения — самая обездоленная и лишенная своих прав страна. Ее угнетают и свои непосредственные соседи и далекая Москва. И это говорим не только мы, но и подтверждают иностранцы, посетившие нашу страну.

«Айреник», зорко следящий за иностранной, в особенности американской прессой в смысле отзывов об Армении, недавно перепечатал из американской газеты «Крисчен Саэнс Монитор» одну пространную статью, написанную из Эривани (статья принадлежит хорошо осведомленному московскому сотруднику газеты г. Демаре Бас). Демаре Бас констатирует доходящий до нашего сведения из разных источников факт, что среди закавказских сов. республик Армения на самом деле является самой безправной страной и что львиная доля московских кредитов направляется в Грузию. Субсидии, предназначенные для Армении настолько ничтожны и так ничтожно основанное на них строительство, что американский журналист говорит о них не иначе, как с насмешкой. А ведь это «строительство» всюду и везде восхваляется пустоголовыми Ханджянами (секр. Ц. К. Армении) разных мастей.

Среди закавказских республик одна Армения жестоко пострадала от великой войны; стало быть и она одна нуждается

в интенсивном строительстве — в большей мере, чем Грузия и Азербейджан, где ни одно здание не было разрушено и ни одно село не было сдвинуто с места. И если «Кавказ» потрудился бы изучить распределение отпускаемых Москвой или Тифлисом на строительство материальных ресурсов между тремя республиками, то увидел бы, что Армения получает лишь одну пятую сумм, предназначенных для Грузии или Азербейджана.

Истина к сожалению заключается в этом и она не может быть опровергнута никакими доводами или статьями «Кавказа».

Что действующие в Грузии армянские чекисты настолько же, пожалуй, и больше отвратительны, чем находящиеся в Армении их собратья, в этом мы вполне солидарны с «Кавказом». Но если он подумает немного о том, почему существуют в Грузии чекисты армянского происхождения, тогда как в Армении нет ни одного грузина-чекиста, тогда издатели ежемесячника должны будут придти к заключению (для них весьма приятному), что национализм грузинских большевиков ни чем не уступает национализму противобольшевицких грузинских элементов.

С другой стороны тогда как в пределах Армении нельзя найти ни одного грузинского поселка, грузинские большевики держат в своих границах населенные армянами такие провинции, как часть Лоры и Ахалкалак, а чуть дальше — Азербейджан наложил свою лапу на армянский Карабах.

Грузины-большевики и грузины-антибольшевики выявляют сердечную солидарность, когда дело доходит до сужения и без того чересчур узких границ Армении в

пользу Грузии. Доказательство тому — возмущение «Кавказа» по поводу того, того, что армянские Лоры — наш исторический Гугарк, находится в пределах Армении.

По «Кавказу» Лоры — «исторически» принадлежит Грузии. Эта провинция ни этнографически, ни исторически никогда не была грузинской; да и исторические притязания народов сегодня не имеют той цены, каковую стремится придать им «Кавказ».

Если бы были уважены исторические права народа, то Армения сегодня должна была бы обладать обширными землями, уступка части которых Грузии (даже в размере ее нынешней территории) не могла бы повлиять на ее политическое положение и была бы абсолютно незаметной для нас. Пбо в нашей многовековой истории кони армянской кавалерии больше всего утоляли свою жажду скорее в водах Куры, чем Аракса, а сегодняшний Азербайджан, это наш вчерашний Пайтакаран.

«Кавказ» находит нормальным, что миллионное турецкое армянство, лишенное своей родины не имеет крова и армянское население правых берегов Аракса и Ахуряна прикреплено к узким границам нынешней Армении, а там, чуть дальше, на противоположных берегах наших рек простираются затоптанные поля и необитаемые дома, находящиеся под дикой властью турок.

Этой вопиющей несправедливости «Кавказ» не видит; однако, он возмущен принятием в Армению нескольких тысяч беженцев-армян, якобы поселенных на территориях Грузии и Азербайджана. Надо заметить однако, что с объявления независимости Армении вплоть до наших

дней, ни одного армянина - беженца не приютили ни Грузия, ни Азербайджан.

Так же неосновательно и нелепо утверждение «Кавказа» о том, что некоторые армянские кружки возлагают слишком большие надежды на большевизм, будто бы от него ожидая «восстановления всей исторической Армении».

Армяне обладают лучшей памятью, чем думает «Кавказ» и еще не забыли, как большевики два раза продали Армению — в 1918 г. Брест-Литовским, а в 1922 г. Карским и московским договорами, уступая Турции всю западную и половину восточной Армении.

Армяне не связывают ни чрезмерных, ни скромных надежд с какой либо внешней силой.

Но они думают, что покуда соседи Армении не привыкли уважать их неоспоримые права и считаться с ней, не возможно будет мирное сожительство и развитие кавказских народностей, как и окончательное их освобождение от ига Севера и Юга».

Что сказать о тоне и о содержании настоящей статьи?

История армянской кавалерии, к сожалению, нам мало известна, и спорить с «Айре-нигом» о том, где «кони армянской кавалерии больше всего утоляли свою жажду, в водах Куры или Аракса» — мы не намерены. Где только не побывали на пространстве веков кавказские кони? Пили они воду и Дона и Днепра и Волги — и... даже Сены! Было бы гораздо проще, не прибегая к атакам допотопной конницы, открыто и лойально заявить, что армяне и конные и пешие издавна живут как среди грузин, так и среди остальных народов Кавказа. Факт не мало важный и свидетельствующий как раз о том, что ничего «не-

исправимого» в этих соседях армян нет и что народы Кавказа издавна привыкли к взаимной терпимости. Ведь не случайно, что именно в Тифлисе и в Баку, т. е. среди грузин и азербайджанцев, а не в Эривани, созданся тот зажиточный класс кавказских армян, который не мало потрудился для армянской культуры, и армянского национального дела. Вряд ли можно было бы достичь этого, если бы грузины и азербайджанцы были столь «ненсправимыми соседями», как это рассказывает «Айреник».

Если уж непременно нужно вспоминать о былых кавалерийских рейдах, может быть было бы уместно вспомнить и о том, что в 12 веке грузины тоже бывали на берегах Аракса и пришли они туда с целью оказания братской помощи своему кавказскому соседу против более сильного некавказского противника.

Автор статьи видимо вообще большой поклонник своей старой родины и уводит нас в седую историю. Он вспоминает, что Кардугия-Гутарк по армянски и Азербайджан-Пайтакар по армянски, были армянскими провинциями. Помимо того, что все это вопросы из области еще мало обследованной древней истории Кавказа, вряд ли эти гиперболические представления о древней Армении могут способствовать разрешению спора между нынешним Сталиным, он же грузинский Джуганвили, и «сугнетенным» армянским большевиком Тер-Габриеляном. А ведь наша полемика с «Айреником» началась с этого. Мы опять настаиваем на том, что ничего предвзято-грузинского в том, что Сталин гонит одних армянских коммунистов и заменяет их другими армянскими же коммунистами — нет и что Сталин и московская коммунистическая власть тоже самое неоднократно проделывали и в Грузии.

В общем надо сожалеть, что статья нашего журнала, левольный ответ на неправильные взгляды некоторых армянских газет про-

будила в той же части армянской печати нездоровые чувства и трезвую мысль, направленную к практическому разрешению многосложной армянской проблемы, а лишь романтические воспоминания скорее из давно раскрытых исторических хроник, чем из существующей реальной обстановки и современных взаимоотношений Кавказа.

ВОКРУГ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ ПРОБЛЕМЫ

В № 17-18 газеты «Клдэ» помещена большая статья Ш. Карумидзе о дальневосточной проблеме и роли Японии, которую она в ней играет. К сожалению мы лишены возможности привести эту интересную статью целиком. Вот некоторые пассажи, вызвавшие наше особое внимание:

Осложнение положения на Дальнем Востоке связывают с Средиземно-морским и итало - абиссинским конфликтом. Об этом неустанно твердят и большая пресса и женеvские политические круги. Имеется в виду автономное движение пограничных с Манчжуро китайских областей. Налицо большое желание приписать все это воле к экспансии одного государства, желающего использовать создавшееся здесь положение и реализовать свои вождения. Возможно что связь, действительно, есть. События там и здесь происходят в одно и то же время, географическое же расстояние, помеха не такая важная. И тем не менее стремление свести значение этой связи к одним только интригам, не дает верного представления ни о фактах, ни о их дальнейшем развитии. Мы уже высказались об итало - абиссинском конфликте. Мы не стырили, что в этом конфликте нас прежде всего интересуеt раз-

вертывание и судьба вообще национальной идеи и национальных вопросов, и в частности судьба родного нам народа, вовлеченного Россией в этот водоворот.

Достаточно было одного месяца, чтобы наши соображения оправдались. Национальные движения по соседству (в Египте и Аравии) и в самой Абиссинии, превратились в факторы столь большой важности, что им, повидимому, принадлежит разрешить судьбу всего конфликта.

Но еще с большим значением и большим весом на современное положение влияют и будут влиять и в будущем события на Дальнем Востоке, по преимуществу окрашенные в национальные цвета и преследующие почти исключительно национальные цели. Правда, пока что, все это переживается нами не так остро, как Средиземно-морские события. Но ясно, что их возрастающее значение с каждым днем все полнее овладевает нашим вниманием и мы уже слышим удары, кующие нашу судьбу. Скажем откровенно: официальная политика Европы, говоря яснее — политика Лиги Наций, вне зависимости от того, кто дрежит дирижерскую палку — Лаваль или Иден, и несмотря на то, является ли она предметом активного или пассивного действия, отражает влияние одного фактора. Этот фактор — Советская Россия, тот скифообразный гибрид явился в Лигу, гонимый туда, исключительно, заботами о своей судьбе на Дальнем Востоке. Несколько лет тому назад, когда, непосредственное соседство России с Китаем, угрожало всему Дальнему Востоку хаосом разрушения, а благодатная рука Японии создавала национальное государство Манчжуко, перерезав тем самым пути дальнейшего продвижения России, мы

писали: «Всей своей политикой прошлого и всей своей судьбой Россия безудержно вовлекалась в конфликт, в который сегодня она оказалась вовлеченной непосредственно». Всеобщий, а не местный характер тогдашнего конфликта мы видели в смертной схватке двух идей: национальной идеи и идеи правопорядка с идеей коммунистического интернационализма и анархии. Спасение от современной анархии и пропасти заключается только в победе национальных идей. Другого пути не дано (см. «Дар Мейстер», кн. 5, февраль 2, 1932 г.) Столкновение этих двух идей породило современный Восток и оно же готовит и будущее всего человечества. Россия со своим интернациональным мирозерцанием и своим «вселенским мес-сианизмом» потерпела поражение на Востоке. Имеем в виду не одно только Манчжуко. Там царствует право и труд и России нет дела до него. Это подтверждают даже «скелетки». Национальная идея густо облепила и крепко сомкнулась вокруг Советской России. Россия не сделала Азию красной. Возрожденная и национальная «ДЖУМХУРИЕТ» О ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫХ СОБЫТИЯХ

Азия с остервенением вцепилась в нее».

За подписью известного турецкого публициста М. Тогаля, во влиятельной ангорской газете «Джумхуриет» (27.XII.35) появилась статья «Монголия, Туркестан и Индия». Из этой интересной статьи, свидетельствующей о живом интересе турецкого общества к событиям, развивающимся на Дальнем Востоке, мы приводим обширные выдержки:

На Дальнем Востоке события быстро сменяют одно другое. Мировая политика больше озабочена положением в Северном Китае, Монголии и Туркестане, нежели

Абиссинией и средиземно-морским конфликтом.

Абиссинская война и средиземно-морской конфликт дали на Дальнем Востоке японцам возможность продвинуться вперед путем занятия значительных территорий и таким образом подготовиться к схватке с Советской Россией, единственной державой, могущей препятствовать японским планам. До сих пор, как известно, на Дальнем Востоке единственной державой, сдерживавшей японские экспансии была Англия. Увидев угрозу со стороны Италии своим колониям в Восточной Африке и морским и воздушным путям, ведущим через Средиземное и Красное моря в Индию, Англия послала Атлантический флот, обычно предназначенный для защиты метрополии, на помощь Средиземно-морскому флоту в Гибралтаре, в то время, как флот, обычно пребывающий в китайских водах, переброшен к другим воротам Средиземного моря — в Красное море.

Таким образом, Англия сосредоточила весь свой флот, в том числе и Дальневосточный, в Средиземноморском бассейне. Судя по последним газетным сообщениям, Англия, готовящаяся к защите морских подходов к Индии к Востоку от Средиземного и Красного морей находит, что Восточный Туркестан, — преддверие Индии, — все больше и больше подвергается угрозе со стороны советов.

Английская пресса последнее время отводит туркестанскому вопросу столько же внимания, сколько и абиссинскому. До сих пор предполагалось, что Чунгорский бассейн и места, проходящие через Тяньшань, к северу от Восточного Туркестана, находятся в полной политической

зависимости Сов. России, осуществившей там экономический контроль и военное господство.

Англичане думали, что южная часть этой провинции, т. е. Яркенд и Хотен, включительно до отрогов Золотых гор находится вне досягаемости советского влияния и Индии, потому, что Дюнгань, т. е. армия китайских мусульман, пришедшая с юга Алтая и разбитая в Чунгарском бассейне и Тяньшанских горах силами, пользовавшимися поддержкой советов наконец образовали независимое мусульманское государство, существование которого обеспечивало английское спокойствие. Теперь, по тревожному сообщению «Таймс», самой серьезной английской газеты, оказывается, что и это государство, подобно восточно-туркестанскому правительству (в Урумчи), подпадает под влияние Советской России. Английская газета сообщает, что пять членов дюнганского правительства из Яркенда поехали в Москву для свидания с генералом Магюин — главнокомандующим дюнганской армии, еще раньше отбывшим туда же.

Трудно утверждать, до какой степени достоверны сведения английской прессы касательно Восточного Туркестана. Но значение этого края оценивается в связи с Индией, преддверием коей он служит. Это обстоятельство очень чувствительно для политики Англии на Дальнем Востоке. В то время, как на этом участке происходят подобные события, с другой стороны японская армия заняла половину Чахоринского края, самую богатую и важную часть Южной Монголии. Кроме того, японцы сделали наступление на восточные границы Сев. Монголии, находящейся под влиянием советов. Прави-

тельство Сев. Монголии опротестовало это наступление и собрало дивизию новобранцев, отданную под командование советских офицеров, находящихся в Улан-Баторе, главном центре Сев. Монголии.

Что касается Китая, то Япония расширяет границы Сев. Китая, находящегося под ее протекторатом за счет территории независимого Китая и мало этого, с соизволения китайского правительства автономное правительство Сев. Китая прерывает всякую связь с Нанкином.

Кроме всего этого японский флот, под предлогом антияпонских демонстраций китайских студентов, сделал десант в Шанхае — самый важный порт Китая.

Такое продвижение Японии в Азию никоим образом непримиримо с английскими интересами.

Но Англия, видя в опасности сухопутные и морские подходы к Индии — этой основы империи — не в состоянии в данное время заниматься дальневосточными делами.

ХРОНИКА

В ПАРИЖЕ.

Доклад Тамби Еленхоти.

14 декабря в частном особняке, ав. Азри Мартэн, Тамби Еленхоти был прочитан доклад на тему «О самоопределении народов Северного Кавказа вообще и осетин в частности». Доклад был организован редакцией журнала «Кавказ» и является первым в серии задуманных нашим журналом вечеров. После доклада, резюме которого будет помещено в следующем номере «Кавказа», состоялись прения.

СОБРАНИЕ АРМЯНСКОЙ КОЛОНИИ В ПАРИЖЕ.

Под этим заголовком, читаем в «Правде» (от 6 декабря):

«В Париже состоялось собрание армянской колонии по случаю 15-й годовщины существования Советской Армении. Свыше 4 тысяч армян присутствовало на этом собрании.

На нем выступил от имени Эррио французский сенатор Годар. Он констатировал, что

«армянский народ обрел, наконец, свою независимость и добился благосостояния, которое все растет, благодаря общему прогрессу СССР», и что «свековой кошмар национальной резни и голода исчез теперь навсегда».

Французский писатель Леон Муссиак, посетивший недавно Советскую Армению, поделился своими впечатлениями.

Генеральный консул Советского Союза в Париже, т. Бирюков передал собранию приветствие полпредства СССР».

ДАГЕСТАНСКАЯ НЕФТЬ

Из Грозного «Известиям» (21 января) телеграфируют, что в эксплуатацию вступили два новых нефтяных района — Бая Гент и Ачисуз Дагестане. Скопление нефти в этих районах исчислено в несколько миллионов тонн.

НАТУРАЛЬНЫЕ БОГАТСТВА СЕВ. КАВКАЗА

Как сообщает «Журнал де Моску», недавние геологические изыскания, произведенные в горах Северного Кавказа дали весьма

интересные результаты. До сих пор изыскания ограничивались лишь предгорными районами. Последняя же экспедиция, организованная институтом по изучению минеральных богатств, напротив, обследовала центральные районы главного хребта в Кабардино-Балкарской области и в Северной Осетии. Уже три года тому назад было констатировано, что Кавказ является новым золотоносным районом Советского Союза. Однако до сих пор добыча золота производилась главным образом на приисках, расположенных в долинах. Экспедиции же Института посчастливилось найти во многих местах (в бассейне рек Хазна и Сузан в Кабардино-Балкарской области) золотоносные жилы, в которых содержание золотого кварца оказалось очень значительным.

На правом берегу Булгун-Су найдены залежи казетерита, минерал, из которого добывается олово. Четыре жилы этого минерала были уже обследованы.

Кроме того, в песке горных рек были найдены следы казетерита, шалита и других редких минералов. Из этого можно умозаключить, что в верховьях этих рек находятся скалы, содержащие залежи этих минералов.

— Тифлис считает в настоящее время 426.300 жителей.

— Знаменитая поэма Руставели, «Носящий барсову шкуру», переведена на армянский язык П. Асатуром, переведшим отрывок из «Шах-Наме», Фирдоси.

— Театр имени Руставели в Тифлисе ставит новую пьесу Серго Кладиацвили — «Осенние дворняги».

— В Азербайджане заканчивается сооружение двух новых гидростанции — нухинской, мощностью в 1.750 киловат и кубинской — в 1.100 киловат.

РЕЧЬ КАЛИНИНА НА ЮБИЛЕЙНОЙ СЕССИИ ЦИК-А АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

«Вероссийский староста», играющий у Сталина «выходные роли», несмотря на свои 60 лет, проявляет большую подвижность: за месячный период он успел побывать два раза на Кавказе — в Армении и Азербайджане, и произнести оба раза «программные речи».

Азербайджану Калинин поднес «награду» — орден Ленина, за хорошую работу по нефти (еще бы!), по хлопку и прочим продуктам, которыми наживается Москва за счет азербайджанского народа. Когда Калинин заявил, что он приветствует Азербайджан от имени «Российской Советской Федеративной Республики», то, как сообщают «Известия», раздалась возгласы: «Да здравствует великий русский народ!»

Приводим из довольно пространной речи Калинина то место, которое он уделил Баку, как центру тюркской культуры, соединив это понятие с «вадобностью русского пролетариата», довольно дипломатически.

«Баку, вернее бакинские рабочие, прежде занимали очень видное место в революционном движении. Можно смело сказать, что Баку для русских рабочих был ближе, чем предположим, город Новгород, хотя он и находится в самом центре России. Русский рабочий ехал в Баку, а не в Новгород: революционное движение было в Баку, а не в «Великом Новгороде».

Но тогда существовало два Баку: Баку — административный центр царского самодержавия и Баку — центр промышленности, центр рабочих. Русских рабочих привлекал не Баку, а его нефтяные промысла: Биби-Эйбат, Балаханы, Сураханы, одним словом — окрестности Баку. Под именем Баку рабочие выражали свои симпатии именно к этим промы-

слам. Но если для рабочих было два Баку, если рабочие старой царской России любили не самый Баку, как город, как центр, а окружающие Баку промышленные окрестности, то и азербайджанские крестьяне, окружающее Баку население, находили в этом старом Баку мало родного и близкого. Азербайджанский крестьянин в Баку не находил своего родного, национального города.

Даже внешне между старым Баку и новым, советским, существует огромная разница. Мне кажется, что эта внешняя разница еще мало отражает ту внутреннюю разницу, которая существует между Баку, как столицей азербайджанского тюркского народа, и старым Баку Манташевых, Лианозовых. Современный Баку является средоточием всей материальной и интеллектуальной мощи тюркского народа, всех народов, населяющих Азербайджан. Вот чего не было в старом Баку и вот что есть в новом Баку... У меня нет никакого

сомнения, что и сейчас 99 процентов из 100 азербайджанских крестьян мечтают, считают величайшим благом побывать в Баку, поработать в Баку, поглядеть на Баку»...

Красно говорит «всероссийский староста», но он благоразумно умалчивает о жанре той «тюркской» культуры, которая насаждается в данное время в этой «столице азербайджанского народа». С другой стороны, не знаем еще, мог бы Калинин обезпечить азербайджанскому крестьянину ту работу в Баку, о которой он мечтает? Не думаем, по той простой причине, что его место внутри занято теми же «русскими рабочими», которые так «любят» этот город, находящийся хотя бы и не в центре России, как какой-нибудь Новгород или Тамбов. Известно, что со времени советизации Азербайджана, Баку, имевший до того 350.000 жителей, разросся теперь до 750.000... конечно, не за счет местного элемента.

БИБЛИОГРАФИЯ

«ДИКТАТУРА ПРОЛЕТАРИАТА»

В ТУРКЕСТАНЕ

Только что появилась, впервые на русском языке, интереснейшая работа известного туркестанского общественного деятеля и писателя Мустафы Чокай-Оглы: «Туркестан под властью советов» (К характеристике диктатуры пролетариата). Автор издал отдельной книжкой, кстати сказать — очень опрятной и привлекательной по внешности, перевод своей французской брошюры, изданной еще в 1928 году в опровержение тенденциозно пристрастного доклада о советском Туркестане французской коммунистической делегации, посетившей СССР

в связи с десятилетием октябрьской революции. В русском изданию приложены также интересные отрывки об этой французской брошюре, приведена статья автора «Господа таланты», появившаяся в газ. «Последние Новости», и предисловие весьма знаменательное предисловие, чрезвычайно удачно резюмирующее сущность предлагаемой читателю книги.

Главная ценность очень значительного и нужного труда г. Мустафа Чокай-Оглы в том, что книга документирована исключительно советскими источниками, из которых автор лишь делает отчетливо и кратко изложенные выводы. Он не навязывает никаких сложных лич-

ных соображений, — правда сама собой обрисовывается приводимыми в книге данными и оценками советских деятелей.

Интересно отметить, что теперь в нынешний, самый последний, период сталинской диктатуры, когда сверху дан сигнал, что всё в стране обстоит более чем благополучно, в эпоху нынешне лести и коленопреклоненного словословия, — книги, обследования и доклады предшествовавших эпох, официально изданные (ведь в СССР частных издательств не существует) признаны уже контр-революционными, запретными и изъemasются из обращения. Прежде все же допускалась кой какая критика, делались попытки, выяснить на месте самые вопиющие злоупотребления, и если их не устранить, то, по крайней мере, о них донести и поговорить на эту тему. Теперь можно только прославлять мудрую власть и ее безответственного руководителя.

Диктатуру пролетариата надо, конечно, поставить в кавычки, говоря о советском строе, даже в областях с русским населением, — что же касается не русских окраин, то тут, оказывается, по признанию самих советских чиновников, и авторов докладов и брошюр, — местного пролетариата не существует. Оно и понятно — ведь право на это пролетарское звание имеют только привилегированные рабочие организации, тронутые уже коммунистической пропагандой.

А ведь Туркестан — это колония. Слово это так и срывается то там, то здесь в книгах к речам у борцов за «освобождение порабощенных народов». Стоит ли церемониться с этим косным, упорным в своих обычаях населением? Вот и поставили его на колени (в буквальном, а не в переносном смысле), чтобы почтить годовщину кончины Ленина. Мустафа Чокай-Оглы задает не лишенный интереса во-

прос французским рабочим делегатом, в частности одному сирийцу, что бы они сказали, если бы, по случаю смерти тов. Кашена в Париже сирийские колониальные власти потребовали от местного населения коленопреклоненного стояния в течение нескольких минут? А когда в итоге всяких злоупотреблений и репрессий попали, наконец под суд некоторые деятели водного транспорта, то многие из них были так уверены в своей конечно безнаказанности, что один, уезжая на процесс, чтобы сесть на скамью подсудимых, отдал распоряжение: «полагать меня в служебной командировке». Таких фактов в книге немало.

Нечего и говорить, конечно, о привилегированном положении русских и о том, что советский строй существует в первую очередь для пролетариата русского, как существовал прежний строй для русского чиновничества, с его имперскими задачами. «Туземцы» составляют от 23 до 33 процентов в профессиональных союзах Средней Азии.

Нет возможности даже вкратце привести и сотой части опубликованных автором данных. Отсылаем читателей к самой книге: стоит только перелистать несколько страниц предисловия, чтобы с жадностью прочесть ее целиком. Интересная и нужная книга. **В.**

ОТ РЕДАКЦИИ

В редакционном примечании к статье Юсуфа Алиева «Мысли Азербайджанца», помещенной в № 11/23 «Кавказа», мы ошибочно приписали г. Юсуфу Алиеву принадлежность в прошлом к партии «Мусават»; г. Юсуф Алиев сообщает нам, что, хотя он и был весьма близок к партии и к партийным верхам, но формально в партию не входил. Охотно исправляем ошибку, вкравшуюся в наше примечание.

Ред.